

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

ТРАНСПОРТНОЕ КОЛЬЦО

Владислав
Выставной

Владислав Валерьевич Выставной Кремль 2222.

Транспортное кольцо

Серия «Кремль 2222»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8286842

Кремль 2222. Транспортное кольцо : [Фантастиче-ский роман] /

Владислав Выставной: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-086744-8

Аннотация

Недавнего героя и спасителя Кремля Книжника изгоняют по наветам врагов. Остаться одному в мрачных руинах Москвы для него равносильно смерти, но Книжник знает о беде, нависшей над городом. Призрак Последней войны возник из прошлого, чтобы погрузить этот мир в огненную бездну.

Что делать? Бежать, прятаться, молиться?

Или забыть несправедливость – и принять на себя первый удар?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	37
Глава 3	69
Глава 4	90
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Владислав Выставной Кремль 2222.

Транспортное кольцо

© В.В. Выставной

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Еда.

Добыча.

Запах живой плоти.

Единственное, что заставляет выйти из мертвого оцепенения.

Из ночной тьмы крадучись возник силуэт, и охотник среагировал мгновенно: тихо зажужжали приводы инфракрасных объективов, впились в кирпичную крошку стальные когти. Системы ожили, выходя из режима гибернации.

Медленно проявилось изображение, сопровождаемое столбцами данных. Картинка вздрагивала, перечеркнутая помехами, тревожно мигал в углу красный символ.

Не хватало энергии.

Не отводя объективов от цели, охотник подался вперед.

Бесшумно не вышло. Расшатанные сочленения корпуса скрипнули – негромко, но достаточно, чтобы добыча насто-роженно замерла – и вдруг рванулась прочь, в руины.

Теперь скрытность ни к чему. Охотник упруго поднялся в полный рост, сбросив маскировочный хлам и вновь став самим собой.

Разведывательно-диверсионным биороботом типа «мангуст».

Резервный запас энергии устремился к биомеханическим

приводам. Мощный толчок – и био устремился вперед. Электронные рецепторы цепко держали запах добычи, сенсоры ловили тепловой след. Расход энергии выведен на максимум – хватит на стремительный, но короткий забег. Это ставка – ставка на жизнь. Холодная, расчетливая: био лишены эмоций.

Удар – старый кирпич разлетелся колючими брызгами. Толчком корпуса охотник расширил узкий пролом, куда нырнула добыча. Взвыли силовые приводы, и когтистая лапа выворотила приличный кусок стены. Чиркнув когтями опорных лап, «мангуст» оттолкнулся и легко нырнул в глубину здания.

Внутренние перекрытия оказались разрушенными: прыжок затянулся, перейдя в падение. Мгновенно оценив ситуацию, био сгруппировался и встретил поверхность как положено – четырьмя пружинистыми лапами. Приземление вышло жесткое. Провал был глубок, а поверхность бугристой, от мощной встряски изображение, транслируемое в мозг с объективов, подернулось помехами, данные датчиков поплыли и выдали ошибку. Покачиваясь в клубках пыли, «мангуст» потрянул головой – совсем как животное. Еще полсекунды – и системы пришли в норму.

Тут же сенсоры уловили близость добычи. Та затаилась совсем близко. И всем своим наполовину живым существом био ощутил ее страх. Теперь главное – не спугнуть жертву: энергии мало, надо экономить.

«Мангуст» снялся с места и мягко, на четырех лапах, двинулся на запах. Теперь это был настоящий крадущийся хищник, чудовище из ночного кошмара. Поджарое металлическое тело с длинными конечностями и уродливой, сжатой с боков головой вызывало у людей рефлекторный, почти генетический ужас. Это не случайность – это специфика дизайна. Одно из назначений «мангуста» – захват пленных. Потенциальный «язык» должен каменеть от ужаса, а секундного ступора достаточно для успешного захвата. Сейчас, спустя двести лет по окончании боевых действий, скелетоподобный облик «мангуста» все так же бросает людей в дрожь. Но тот, кто пытается сейчас скрыться в развалинах, не совсем человек. Точнее – не человек вовсе.

Это шам. Только сейчас дряхлый органический мозг проанализировал данные и выдал крайне неблагоприятный прогноз.

Охота опасна в принципе. И не только для жертвы: охотник рискует потратить на погоню последние остатки энергии, после чего превратится в ржавый металлический труп с гниющими человеческими мозгами за толщиной бронепластин.

Охота на шама опасней вдвойне. Стремительным металлическим телом биоробота управляет живой, некогда человеческий мозг – отличная цель для ментального удара.

Био познали это на собственной металлической шкуре. За каких-то пару столетий армада боевых роботов прошла

сквозь самый настоящий естественный отбор. И уцелели лишь те, что сумели приспособиться к новым условиям. Прежний враг отошел на второй план, а затем и растворился вместе с изначальными мотивациями боевых машин.

Новые враги лишены знаков отличий, их не интересует оборона укрепрайонов или захват стратегически важных точек. Их интересует лишь выживание. И многие в этом преуспели – те же шамы, забравшиеся на вершину пищевой цепочки этого мира.

Но охотнику нужна энергия. Значит, надо жрать. А значит – охотиться. И эта попытка может оказаться последней. Системы запущены, в расход отправлен последний энергетический резерв, и назад пути нет.

Системы просканировали темное пространство руин.

Вот он – прячется за обрушившимися потолочными балками. Инфракрасное зрение охотника не дает двуногому ни малейшего шанса.

«Мангуст» сжался – и выбросил себя в воздух, как мощная металлическая пружина. Траектория прыжка рассчитана идеально: толчок от одной стены, короткий бросок к поперечной стенке и от нее – прямо на голову оцепеневшей от страха жертве.

В полете жуткая голова с электромеханическими челюстями поворачивается на сто восемьдесят градусов – чтобы не тратить энергию на разворот всего тела. Следом легко проворачиваются на шарнирах лапы – и «брюхо» «мангуста»

становится «спиной».

Био тяжело рухнул в центре теплового пятна. Недоуменно повел жуткой башкой, злобно щелкнул острыми клыками. Добыча улизнула. Шам просчитал его действия. Просто «снял» телепатически примитивные мозговые импульсы врага – и сменил укрытие.

Это плохо. Погоня сожрала больше половины энергетического резерва. Добыча не должна уйти.

Взметнулась пыль, брызнула из-под мощных лап каменная крошка. Сначала вверх, по ржавым балкам, срываясь и рискуя рухнуть и заглохнуть навсегда на дне этого каменного мешка. На этом и строился расчет беглеца: тяжелый робот не должен повторить его путь по легким конструкциям. Это верно для любой разновидности био, но только не для «мангуста», чья конструкция взяла лучшее от человека и дикой кошки.

Прыжок. Еще прыжок.

Поверхность.

И звездное небо над головой.

В глубине металлической башки болезненно вспыхнул сигнал тревоги: энергия на исходе. По инструкции следует немедленно найти убежище, перевести системы в режим консервации и остатки энергии перевести на пеленг. По сигналу радиомаяка на него выйдут «свои» – спасатели или ремонтные био...

Чушь. Никто не придет на помощь. Он давно уже не бо-

евая единица, и своих в этом мире нет. Он – хищник. Его задача – нападать, убивать, жрать. И прятаться – от тех, кто крупнее и сильнее его. Потому последние силы и брошены на этот отчаянный рывок.

Один из них должен умереть. И сейчас станет ясно – кто именно.

Тепловой шлейф становился отчетливее. Шам отчаянно пытался запутать след. Бесплезно. Вот он, засел за бетонным блоком. Укол предупреждающего сигнала: оружие!

Загрохотали автоматные очереди. И тут же заткнулись. Кончились боеприпасы или заклинило оружие – уже не имеет значения. Важно, что пули прошли мимо. Да и не боится «мангуст» автоматной пули. Наверное, знал об этом и шам, и стрельба эта была лишь свидетельством полного отчаяния.

Хищное металлическое тело стремительно рванулось к последнему убежищу «загнанного зверя», когда одна за другой стали отключаться системы, переводя электронику в режим экономии. «Мангуст» послал тело в последний прыжок... И тут отключилась волновая защита мозга.

Объективы охотника уже выхватили из мрака искаженное страхом уродливое лицо шама. Но мозг вдруг отказался анализировать сигналы и выдавать команды.

На биоэлектронный разум «мангуста» обрушилось то, чему не нашлось определения в стандартном наборе терминов.

Страх. Многократно усиленный и выброшенный в пространство предсмертный ужас мутанта. Ужас, который мгно-

венно стал для охотника собственным, настолько мощным и нестерпимым чувством, что скальпелем полоснул по искусственным нервным связям, нарушив работу логических систем.

И тут же схлынул: раздавленный грузом металлического тела со стальными когтями шам испустил дух.

«Мангуст», однако, не спешил расчленять добычу и заталкивать ее в бункер встроенного биореактора. Конечно, стоило поторопиться: системы отключались одна за другой, и вскоре могло не остаться энергии на само усвоение пищи. Кроме того, скоро на запах смерти потянутся падальщики.

Но био неподвижно возвышался над телом жертвы. Затем вздрогнул, словно в недоумении обводя взглядом окружающее пространство – мрачный мертвый остов древнего города. Встроенный синтезатор речи пискнул, зашипел. Могло даже показаться, что застонал – от непереносимой тоски и боли. И впервые за двести с лишним лет надтреснутый синтетический голос глухо произнес:

– Кто я?

Глава 1

Вече

Возвращение не было радостным.

Книжник стоял в тени арки, под сводом ворот Спасской башни. Тяжелые железные створы были распахнуты, в глубину древней крепости неторопливо втягивался караван из повозок, скрипящих под тяжестью груза. Ратники из сопровождения с трудом сдерживали радостные ухмылки – дальняя экспедиция удалась, добыча была богатой. Но открытое веселье было бы неуместно: последнее нападение не удалось отбить.

Потери были немалые. Штурмовали Кремль яростно и жестоко. Книжник мрачно смотрел на клубы дыма, все еще расплзавшиеся меж стен, видел хмурых воинов-монахов с черными от копоти лицами, устало разгребавших завалы, слышал стоны раненых. Всюду валялись булыжники и дотлевающие угли зажигательных снарядов, выпущенных врагом из метательных орудий. Кое-где вились дымки пожаров. Все видимое пространство усеяли трупы убитых мутов, которым удалось перебраться через стену. Здесь же лежали тела убитых защитников Кремля.

А потому стоять на пороге и дальше было бы малодушием. Книжник шагнул вперед.

Его ждали. Несколько крепких мужчин в невзрачной одежде уставились на семинариста цепкими взглядами. Старший из них поманил недвусмысленным кивком, мол: «Иди, сюда, родимый!»

Такая встреча не стала сюрпризом. Когда начинаешь выделяться из серой массы, когда ты умнее, смелее, удачливее, когда на тебя неожиданно обрушивается слава и милость князя, это не может не вызвать приступа зависти и злобы. Тем более если ты сам так неудачно подставился. И никому нет дела до того, что ты привел дружину к стенам Кремля в самый разгар боя с ненавистными мутами. Ведь чтобы сделать это, пришлось совершить немыслимое – сбежать из-под стражи. И можно до хрипоты доказывать, что в Тайном приказе его держали по наветам и наговорам, что он действовал на благо защитников крепости, – все это не имело значения. Не имело значения даже то, что сбежал он не по собственной воле – тогда, чуть ли не насильно, его вытащила из темницы Хельга. Но для этих людей все более чем ясно: он напал на опричников, он предатель и враг.

Семинарист повиновался, шагнул навстречу этим страшным людям. Воли к сопротивлению не было. Но чья-то тяжелая ладонь, опустившись на плечо, остановила его.

– А ну, стой! – произнес знакомый голос.

Книжник обернулся. Данила! Не последний в Кремле дружинник, герой, можно сказать. Да с недавних пор еще и боевой товарищ. Парень несколько приободрился: ратник всей

своей статью выражал уверенность и силу. Не боялся он этих «гражданских», как не боялся мутов, Полей Смерти и самого черта.

– Куда вы его? – спокойно глядя на хмурых «штатских», поинтересовался дружинник.

– Опричники Тайного приказа, – со сдержанной улыбкой произнес старший. – Государственный преступник он. Задержать велено.

– А по мне, так на нем не написано, что он преступник, – невозмутимо отозвался Данила. – По-моему, он герой, и встречать его полагается как героя.

– В Приказе разберутся, – небрежно бросил опричник, направляясь к Книжнику. И наткнулся на мощную фигуру дружинника.

– Это что же получается – сопротивление при аресте? – с холодным любопытством спросил опричник. – Да еще со сговором и пособничеством?

– А хоть и так, – не стал спорить Данила, спокойно разглядывая опричника. – Насколько я знаю, он княжий советник, верно? Вот лично князю я его и передам.

Опричники стали угрожающе надвигаться на воина. Звякнул металл, сверкнули потайные ножи, кистени, у кого-то из рукава вывалился тяжелый железный шар на цепи.

– Да ладно, – усмехнулся ратник, кладя руку на рукоять меча. – Вы это всерьез, что ли, с дружинником биться вздумали?

Опричники остановились. И то верно: лезть в драку с настоящей машиной смерти – это не школярам руки заламывать.

– Много на себе берешь, ратник! – процедил старший опричник. Коротко окинул взглядом своих товарищей. – А ну, пойдем, ребята. Мы еще посмотрим, на чьей стороне князь будет.

– Приятно было побеседовать, – бросил вдогонку дружинник.

И уже совершенно серьезно обратился к Книжнику:

– Чего им надо? Натворил чего?

– Долгая история, – вздохнул Книжник.

– Ну, пойдем, расскажешь, – предложил Данила. – Эти так просто не отстанут. Если чем насолил им – все равно достанут.

– Это уж я знаю, – отозвался семинарист.

– Но мы своих в беде не бросаем, – сказал Данила, быстро продвигаясь вперед. Взгляд его расслабленно скользил по округе: сказывалась привычка разведчика – всюду примечать опасность.

– Какой же я свой? – шагая вслед ратнику, слабо улыбнулся Книжник. – Вы – дружина. Опора Кремля, элита и все такое. А я только семинарию закончил, и больше бед натворил, чем добра принес.

– Э, брат, да ты совсем скис, – покачал головой Данила. – Запомни: боец должен стоять на своем. До конца.

– Так то боец...

– Ты и есть боец. Я слышал о тебе. А недавно – видел в деле. Идем, я знаю место, где они тебя не достанут.

Это был древний подвал, темный, но на удивление уютный. Наверное, из-за обилия потемневшего дерева внутри да ощущения того, что здесь часто бывают люди. Длинным рядом стояли пузатые бочки, толстый служитель в кожаном фартуке деловито протирал глиняную кружку.

– Хмельной погреб, – пояснил Данила. – Только ратникам сюда путь открыт. Во-первых, брага сохранней будет – продукт-то стратегический. Во-вторых, дисциплина: пьянство у нас исключается. Но после боя полагается немного расслабиться. Так нас лекари уверяют, а мы и не спорим.

Данила рассмеялся и подтолкнул Книжника к длинному столу, за которым на лавках сидели усталые ратники. Большинство уже скинуло тяжелые доспехи. Кто возился с оружием, кто задумчиво глядел в кружку с квасом, а небольшая группа бойцов на дальнем конце стола негромким разногласием выводила какую-то тягучую песню.

– Ну что приуныли, братцы? – зычно крикнул Данила. – Не испить ли нам победную братину?

Тут же как из-под земли вынырнул служитель и выставил широкую плоскую деревянную чашу с узорчатыми рукоятками. Данила поднял чашу, задумчиво посмотрел в янтарную глубину, произнес:

– За павших братьев!

Сделав глоток, передал братину хмурому дружиннику по правую руку.

– За павших братьев! – повторил тот и отпил из братины.

Ритуал повторился столько раз, сколько воинов было в погребке. Наконец чаша оказалась в руках Книжника. Данила молча посмотрел на него. И Книжник робко поднес к губам тяжелый сосуд.

– За павших братьев! – дрогнувшим голосом произнес он. И хлебнул. С перепугу даже слишком усердно. Тут же закашлялся с непривычки: мед оказался крепок.

Данила рассмеялся, забрал у него братину и передал служителю.

– Считай, и ты стал одним из нас, – сказал он, устраиваясь на лавке. – Не ратником, конечно, но воином. А теперь садись и рассказывай подробно. Эй, Никола, квасу нам и погрызть чего-нибудь. А то гость совсем бледный, глядишь, от глотка браги свалится.

* * *

Ничто так не способствует разговору, как мед, сваренный по старинным рецептам.

– Вот... – Книжник показал небольшой металлический цилиндрик, висевший на шее рядом с ладанкой и крестом. – Вот это им нужно. У кого эта штука – у того власть над био.

– И откуда у тебя эта диковина? – спросил Данила, разглядывая необычный предмет.

– Из Бункера, что на Садовом кольце.

Ратники переглянулись. Многие слышали, что этот паренек побывал в тех далеких местах, что именно он привел к стенам Кремля чудом уцелевший народ – вестов. Но даже маленький реальный предмет производит куда более сильное впечатление, чем самые пространные разговоры.

– А говоришь – не боец, – Данила хлопнул его по плечу. – Не каждый ратник до Садового добирается, да и еще такой трофей приносит!

– Да теперь уже сам не рад, что принес.

– И что думаешь делать? Может, отдать им эту хреновину – да и дело с концом?

– Я бы и отдал – если бы знал, что это на благо пойдет. А как не в те руки такая власть попадет? Я-то с опричниками уже познакомился. Выдают из тебя, что хотят, только жмых на помойку и выкинут. Им ведь этого ключа мало – они хотят «заговорное слово» знать.

– Что за «заговорное слово»?

– Коды управления, они на био без ключа действуют. Как я им в лапы попадусь – они его из меня выжмут: я боли боюсь и пыток не выдержу...

– Хочешь, научу останавливать сердце? – неожиданно предложил Данила.

– Зачем?! – вздрогнул Книжник.

– Чтобы мучений избежать. Скажем, решат тебя муты сожрать заживо или запытать кто задумает...

– Нет уж! – испуганно замотал головой Книжник. – Пусть уж лучше пытаются – так хоть шанс выжить. А то решу с собой покончить с перепугу – ну его в баню!

– Правильно, – одобрил Данила. – Держаться всегда нужно до последнего, иначе б нас давно уже смяли. На том и стоим. А вот в лапы ребятам из Тайного приказа тебе и вправду лучше не попадаться... – Он помолчал, вздохнул. – Тяжелое у тебя положение. Обвинение в измене, теперь еще и нападение на опричников припишут... Даже не знаю... Служивые из Тайного приказа не зря свой хлеб жуют. Измену они за версту чувят, за то их и держат. И коли случился у них какой прокол – ни за что не отступят и своей неправоты не признают. Это как йод: он и заразу убивает, но и жжется больно.

– Я и сам понимаю, что нет мне прощения, – поник головой Книжник. – Никакие цели не оправдывают нападения на опричников. И уж тем более не простят Хельгу – хотя бы потому, что она из чужаков.

– Да, дело серьезное, – не стал его утешать Данила. – Где же сейчас твоя подруга?

– У своих, у вестов. Какое-то время будет в безопасности – по договору с Кремлем опричники не могут появляться на территории Форта без согласия Совета Вдов. Но по тому же договору весты не могут укрывать княжьего преступника. То есть преступницу. Все равно будет суд, так что долго скры-

вать не выйдет.

Семинарист запнулся: Данила крепко треснул кулаком по столу.

– Вот что, – решительно сказал он. – Надо опередить их. Ты заслуживаешь того, чтобы твое дело решалось не в Тайном приказе, когда князю лишь бересту на подпись сунут, а открытым судом, на Вече. Тут уж народ на твоей стороне будет! А князь против народа не пойдет, даже если его убедили, что ты преступник.

– Только я в том уже не уверен, – мрачно отозвался Книжник. – Для всех я преступник. Предатель. Другого и видеть не хотят.

– Темные делишки тьмы любят, – прищурился Данила. – На солнышке ложь плохо смотрится. Правда – она свет любит, а в твоей правоте я уверен.

* * *

На Ивановской площади было шумно. Вече – событие в Кремле нечастое, а для обитателей крепости даже суд – праздник. Да и поглазеть на настоящего изменника хотелось каждому. Особенно любопытным мальчишкам, которые шныряли всюду, норовя прошмыгнуть под ногами и даже пролезть сквозь центральное оцепление из караульных ратников. Когда нет особых развлечений, а жизнь трудна и сурова, поневоле начнешь искать праздника в любом народ-

ном сборище.

Обладатели права голоса гордо держались в первых рядах. Конечно, решения Вече не имеют обязательной силы. Просто князь с боярами решили-таки послушать, что народ думает. Не всем боярам и княжим советникам нравилось происходящее, да только не пойдешь против князя, коли тот постановил так, а не иначе. У него тоже положение не из простых: можно, конечно, волевым решением приговорить обвиняемого, да и дело с концом. Но раз вступилась за него дружина, да сам отец Филарет – значит, не так все просто. Вече любому решению предаст легитимность, будет считаться справедливым, а это лишь укрепляет княжью власть. Правда, это же подрывает авторитет обвинения, что здорово злит опричников. Да в том и политика – удержать тонкий баланс сил в тесном котле последнего человеческого анклава. Это подсудимому ясно, кто друг, а кто враг. Князь же все видит совсем с другой точки зрения. Под ним, по сути, все равны, так как каждый является носителем драгоценного человеческого генофонда. С этой точки зрения интересы большинства преобладают над интересами отдельной личности. Если даже самый лучший из его советников станет причиной кровавой распри, то правитель просто вынужден будет вынести решение не в его пользу.

Князь взирал на толпу с высоты помоста в тени Грановитой палаты. Там он восседал во главе тесной группы советников, в окружении думских бояр. Среди них должен был

находиться и Книжник – как самый молодой советник, так быстро взлетевший и обретший небывалое доверие князя.

Но сейчас его место здесь, внизу, на камнях площади, в окружении недоверчивых и даже враждебных взглядов. Люди знают про него многое. Он принес Кремлю немало добра, расширил границы известных земель, раскрыл глаза на природу явлений, указал путь к ресурсам. Но, как известно, люди склонны помнить услышанное последним. А в последние дни только и кричат, какой он изменник, коварный шпион, наймит поганых мутов. И теперь, глядя в суровые лица кремлевских, парень ощутил сомнение и робость.

Они не поверят. Еще стоят перед глазами жуткие картины последнего штурма, еще несет гарью пожарищ и погребальных костров. И по какой-то нелепой прихоти судьбы во всех бедах склонны обвинить именно его.

Потому что он – не такой, как все.

Князь неторопливо поднялся с простого деревянного кресла, и толпа почтительно стихла.

– По просьбе достойных и уважаемых людей, я обращаюсь к народу Кремля, – заговорил князь, и его сильный голос был отчетливо слышен по всей площади, отражаясь от древних стен. – Перед вами юноша, имя которого известно каждому. Он был приближен ко мне по заслугам, и его же обвиняют в тяжких преступлениях. Не желая принять скоропалительное и несправедное решение, вверяю его судьбу суду народного Вече.

Князь опустил в кресло и принял позу стороннего наблюдателя. Вперед вышел дьяк Судебного приказа, облаченный в черное коренастый мужчина с тяжелым взглядом. Оглядев толпу, он проговорил тяжелым басом, не особо повышая голос:

– Княжим повелением начинаем суд народного Вече! Смотрите, слушайте и не говорите потом, что не слышали. Начнем с обвинения. Кто там из Тайного приказа? Выходи, твое слово!

В центр арены, образованной оцеплением, молча выдвинулся человек невзрачной внешности, и в нем Книжник, пусть и не без труда, угадал своего знакомого дознавателя – опричника, который допрашивал его в казематах Тайного приказа. Семинарист снова поймал себя на мысли, что это порода у них такая, особенная – все на одно лицо, ни из толпы выделить, ни запомнить. Опричник неторопливо направился в сторону обвиняемого. Книжник невольно попятился, его придержали за плечи крепкие руки стражников. Дойдя до ступеней, ведущих к княжеской «ложе», опричник развернулся, словно обращаясь к толпе. Так и положено, раз решение отдано на Вече. Но было ясно: свои слова чиновник обращает в большей степени к князю и боярам, державшимся ближе к Грановитой палате.

– Ну, что тут скажешь? Изменник – он изменник и есть, – заговорил опричник. Поднял над головой сверток берестяных грамот, туго перетянутых бечевой с сургучной печат-

тью. – Вот здесь у меня – протоколы допросов. Подсудимый лжет, сбивает с толку следствие. А все почему? Потому что спутался с чужаками. Все знают – у Кремля друзей нет, есть лишь враги. И таких врагов он привел, да и поселил рядом с нами...

– Это не твоего ума дело, – жесткий голос князя оборвал опричника, заставив того нервно сжаться. – Решение по вестам принимала Боярская дума. Мы же говорим об измене и изменнике.

– Давай по существу обвинения! – косясь на князя, крикнул дьяк Судебного приказа.

– Хорошо, – к опричнику вернулась прежняя невозмутимость. – В этих документах достоверно доказано, что именно с подачи обвиняемого в самое опасное для Кремля время была отослана за Садовое кольцо большая часть дружины. Обвиняемый явно знал о готовящемся нападении нео!

– Но экспедиция вернулась с добычей! – возмущенно крикнул Книжник.

– А ну, тихо! – гаркнул дьяк. – Тебе еще будет дано слово. Обвинение, продолжай!

– Добыча добычей, – мрачно усмехнулся опричник. – Но какой с нее толк, если бы нео ворвались в Кремль? А я скажу: дружина привезла бы добычу победившим мутам!

По толпе разнесся возмущенный гул. Ужас недавнего сражения все еще не отпускал людей. Давно уже Кремль не стоял так близко от гибели, все понимали и чувствовали это.

Книжник сжал кулаки, от обиды на глазах проступили слезы. Ему было что сказать, но он понимал: нужно держаться в рамках судебного порядка. Опричник же, почувствовав поддержку толпы, повысил голос:

– И можно было бы еще сомневаться – мол, мы ошиблись, зря обвинили беднягу. Хоть и не может такого быть, ведь все знают – Тайный приказ всегда выясняет истину! Преступник получает по заслугам, невиновный – прощение. Ведь так?

Чиновник обернулся к толпе, но на этот раз не получил одобрения. Люди ждали продолжения. И опричник, сжав кулаки, злобно выкрикнул:

– Но он бежал! Трусливо бежал из-под стражи! Значит, ему есть что скрывать! А?! Я сам вам отвечу – есть! Иначе зачем было убивать и калечить служителей Тайного приказа?!

– Мы никого не убили! – выкрикнул Книжник, но его слабый голос потонул в возмущенном гуле.

– Они подло напали и покалечили моих товарищей! – потрясая кулаками, вопил чиновник. – Тех, кто защищает вас от врага, стремящегося уничтожить нас изнутри!

– Хреново защищаете! – насмешливо раздалось из толпы. – Мальчишку да бабу взаперти удержать не смогли!

По толпе разнеслись смешки. Опричника перекосило.

– А ну тихо там! – прикрикнул дьяк. – Смутьянов прикажу хватать – и в карцер!

Обвинитель взял себя в руки и продолжил:

– Мне не дали сказать о том, кого я считаю «пятой колонной», затаившейся среди нас. Я не буду говорить о том, что девчонка воспользовалась нашей добротой и подло ударила нам в спину. Она еще предстанет перед судом. Но сейчас я прошу признать виновным того, кто замыслил уничтожить всех нас, кто поднял руку на то, что наши отцы и деды сохранили в страшной двухсотлетней войне. Вы хотите жить дальше? Хотите жизни вашим детям? Хотите свободы и счастья? Тогда осудите изменника по всей строгости наших обычаев и законов!

Опричник ткнул пальцем в Книжника. Толпа угрожающе загудела. Семинарист опустил взгляд, вжал голову в плечи.

– Кто еще поддержит обвинение? – крикнул дьяк.

– Я! – вскинув руку и выдвигаясь из плотно стоящего «боярского» ряда, пробасил тучный боярин. – Все меня знают, я человек уважаемый, по рождению боярин, а по имени Малюта. И вот я что вам скажу, люди добрые! Вы подумайте хорошенько: он же не просто изменник, он к самому князю вхож был, и вообще – в советники пробрался. Заболтал красивыми обещаниями – и ужалил, как пригретая на груди змея! Если хотите знать, я вообще считаю, что не кремлевский он давно! Подменили его муты поганые, пока он по поганым местам без присмотра-то шастал! Все знают, что за Кольцом – нечисть да колдовство лютное! Одно слово – оборотень!

Людская масса беспокойно заколыхалась. Не то, чтобы

люди всерьез верили в оборотней. Да только случилось уже такое – когда злобному муту ценой золота и предательства удалось подобраться к самым вершинам кремлевской власти. И не просто муту – вождю сильного, враждебного клана Краггов. И тут уж правда на стороне Малюты: хотел этот злыдень известить всех кремлевских, развалив оборону Кремля изнутри. История известная, и ее повторения никому не хотелось, так что боярин сделал сильную ставку.

Толпа злобно зарычала. Кто-то выкрикнул:

– Повесить мерзавца, да и дело с концом!

Выкрик поддержали одобрительные возгласы.

– И я поддерживаю обвинение – со стороны духовенства, – решительно заявил подавшийся вперед священнослужитель. Это был давно обозленный на семинариста наставник, отец Никодим. Книжник лишь застонал от досады: этот-то чего лезет?

– Я давно заприметил, – продолжил отец Никодим. – В этого мальчика словно бес вселился! До своего ухода из Кремля был он юноша кроткий, хотя и вольнодумствовал, случилось. Теперь же стал дерзок и богопротивен. Не искушайте Господа – примерно накажите изменника!

– Да ты, Никодим, похоже, совсем умом ослаб, – раздался новый голос. – Сдается мне, ты сам искушаешь Бога, раз лезешь в обвинители. Или забыл, что тебе по сану не положено в светском судилище участвовать?

Толпа расступилась, и вперед, опираясь на посох, вышел

худощавый седой старик в поблекшей от времени рясе. Это был отец Филарет. Авторитет его был достаточно велик, чтобы толпа притихла, прислушиваясь к словам старца.

– Раз в обвинение подались лица духовного звания, я уравновешу чаши весов правосудия, – ровно проговорил отец Филарет. Сдержанно поклонился князю, повернулся к дьяку Судебного приказа:

– Обвинение, вроде как, высказалось? Не пора ли дать слово защите?

– Да, конечно, – почтительно закивал дьяк и повысил голос: – Слово предоставляется защите!

– Вот и славно, – сказал отец Филарет. Обернулся к толпе. – Люди добрые, не все из вас принадлежат к моей вере, но все знают меня и не могут упрекнуть в несправедности моих суждений...

Старец помолчал, вслушиваясь в одобрительные возгласы. Кивнул и продолжил:

– Я не берусь утверждать, что этот юноша не делал ничего из того, о чем говорил представитель Тайного приказа. Ложь противна мне, и я не хочу строить защиту на лжи. – Филарет указал на насупившегося Книжника. – Он и сам мне признался: да, бежал, да, ранил нескольких служителей Тайного приказа. Возможно, за это и следует наказать. Но где здесь измена? Он бежал потому, что его не хотели слушать! Он бежал от несправедливости. Каково слышать подобные обвинения тому, кто рисковал жизнью ради спасения целого

народа? И даже двух разных народов, что теперь пытаются жить и бороться вместе! Почему же его обвиняют во всех смертных грехах? Не потому ли только, что он перешел кому-то дорогу?

Теперь заволновались боярские ряды. Особенно возмущался, фыркая и вскрикивая, Малюта. Князь жестом остановил волнение. Филарет продолжил:

– Вы же видите: он сам пришел на суд, как до этого сам вернулся к нашим стенам, когда Кремлю грозила опасность. Он не скрывался, не бежал – он пришел, чтобы биться с нами!

– Он сам привел дружину к Кремлю! – выкрикнул Данила, стоявший в первом ряду участников Вече. – Он прислал нам послание, без этого мы просто не успели бы!

– Именно он разомкнул Кольцо, снял блокаду и дал нам еще один шанс на выживание, – сказал Филарет. – Не все из вас это знают, как не знают и многого другого. Как же вы можете судить его?

На этот раз в людском гомоне послышалась растерянность.

– Как же ты предлагаешь судить его, отче? – с почтением спросил князь. – Как ни крути – обе стороны в чем-то правы.

– Может быть, «подем»? – насмешливо выкрикнул Малюта. – Ты готов выйти на «Божий суд», отче?!

Бояре расхохотались. Засмеялись и в толпе, представив, как старец выходит биться за интересы изменника. «Божий

суд», он же «поле» – вещь страшная, это не языком чесать.

– А что же, – неожиданно серьезно сказал отец Филарет. – «Божий суд»? Пусть будет так. Бог справедливее толпы. Согласен ли ты, княже?

Филарет посмотрел на князя. Тот задумался ненадолго, сказал, чуть прищурившись:

– А пусть решит Вече! Не зря же оно здесь собралось!

– Согласно ли Вече – решить дело «полем»? – крикнул дьяк Судебного приказа.

– Согласно! – заволновалась толпа.

– «Поле!»

– «Божий суд!»

– Это по справедливости!

– Да будет так! – торжественно провозгласил советник.

Старец перевел взгляд на Книжника.

Тот был бледен. Он не мог поверить, что отец Филарет так с ним поступит, подведет его к этой черте. «Поле» – это не словесная перепалка. Это настоящая схватка, к которой обвинение наверняка подготовилось лучше. Он, Книжник, воин никудышный, и коли выставят против него крепкого опричника, привыкшего к хорошей драке да владеющего тайными приемами, – его дело труба. Если, конечно, за него не вступится кто-то. Может, Данила?

– «Поле» так «поле», – усмехнулся опричник. И сделал знак кому-то позади себя.

Это было худшим из того, что предполагал семинарист.

Из толпы, через оцепление, вышел здоровенный дружинник. Книжник растерянно перевел взгляд на Данилу, стоявшего поблизости. Увидев растерянное лицо ратника, понял, что проиграл.

Данила никогда не станет биться с товарищем по оружию. Никакие слова и высшие интересы не будут для него сильнее боевого братства. Опричники здорово просчитали его.

Филарет невозмутимо стоял в центре арены.

– Напоминаю, – торопливо выкрикнул дьяк, – духовное лицо не может биться с ратником!

– Я знаю, – отозвался отец Филарет. – Да не смог бы ратник поднять на меня руку, и «Божий суд» бы не состоялся.

– Видать, придется ему самому биться, – глядя на Книжника, оскалился ратник. Только не было в этой улыбке доброжелательности: воин искренне считал Книжника изменником и предателем.

– Не придется! – разнеслось по Ивановской площади, и толпа удивленно замерла, глядя на нового человека, появившегося в центре судного круга. Кому-то уже довелось его видеть здесь, многие узрели впервые, но и первые, и вторые не скрывали любопытства. Ведь этот человек совсем не был похож на кремлевского. Одежда, оружие, длинные светлые волосы и рубленые черты лица выдавали в нем воина народа вестов. Потомка врагов, неожиданно ставшего союзником.

– Зигфрид! – Книжник подался вперед и зашипел от боли, когда крепкие пальцы стражников стиснули его плечи.

Воин глянул на обвиняемого и, не изменившись в лице, едва заметно подмигнул ему. После чего спокойно направился к центру арены. Стражники не сводили с него настороженных взглядов, но не препятствовали, повиновавшись знаку отца Филарета.

– Я готов драться за него, – объявил Зигфрид.

– По какому праву?! – выкрикнул опричник. – Ты не кремлевский, и негоже тебе в «Божий суд» лезть!

– Вот как? – усмехнулся Зигфрид. – Может, мне негоже было и за Кремль биться, когда на него Орда насадала? Может, и Книжнику негоже биться, раз вы считаете его нелюдем?

– Да хватит болтать, давай все решим делом! – нетерпеливо отмахнулся ратник. – Каким оружием драться хочешь?

– Вот этим! – Зигфрид поднял над головой руки в перчатках из потертой кожи. – Справедливо?

Толпа одобрительно загудела.

– Ну тогда держись! – расхохотался ратник, отбрасывая в сторону тяжелый ремень с ножами и потуже натягивая бойцовые кольчужные рукавицы.

На камни полетел окованный металлом пояс веста с двумя кобурами, из которых торчали рукояти револьверов. Дьяк торопливо дал отмашку – наверное, понял, что схватку уже не остановить:

– «Божий суд» начинается!

Книжник сжался – и телом, и нутром. Он понимал, что

друг рискует жизнью ради него. И меньше всего хотел, чтобы из-за него пострадал Зигфрид... и даже этот суровый ратник. Но таков был закон последней крепости Земли, и кто он такой, чтобы идти против обычаев предков?

Толпа замерла – в волнении, смешанном с азартом, восторгом и предвкушением крови. Так уж устроена человеческая порода: люди любят вид схватки, и чужая кровь будоражит почище вина. В отличие от своей, конечно.

Два воина, изучая друг друга, медленно кружили в центре арены. В руках не было оружия, но этого и не требовалось: оба были знакомы со смертоносными приемами, а смерть в судебном поединке – вполне приемлемый результат.

Дружинник сделал ход первым. Ловко уйдя в подкат, он кувыркнулся, стремясь лишить противника равновесия и одновременно ухватить того за ногу. Вест увернулся от первой атаки и нанес контрудар – локтем в лопатку ратнику. Тот зашипел от боли и ответил неожиданным разворотом. От удара плечом Зигфрид кубарем полетел на булыжники площади.

Толпа взревела.

Книжник сжал кулаки и зажмурился, словно пытаясь спрятаться в глубине самого себя, убежать, улететь далеко отсюда, в далекие воображаемые миры... Он отчаянно отгораживался от этого мира, от шума толпы, от звуков схватки.

И вдруг услышал голос. Далекий, едва различимый, который можно было принять за невнятный шум. Но Книжник узнал этот голос. Он мог принадлежать только одному су-

ществу, способному дотянуться до него через нейронные сети мозга. И «вслушавшись» в этот далекий голос, отчетливо различил:

«Помоги... Спаси меня...»

Семинарист задышал тяжело и часто, прикрыл глаза. Может, показалось?!

«Помоги... – донеслось до него сквозь треск эфирных помех. – Беда... Смерть...»

В мозгу кольнуло – и тьма перед глазами сменилась ослепительной вспышкой. Он зажмурился, пытаясь укрыться от этого пронизывающего света, но не мог – ведь и без того глаза были закрыты. Зарычав от боли, он замотал головой – и свет схлынул, оставив лишь клубящееся огненное пятно.

В контурах этого растущего огненного цветка Книжник уловил что-то знакомое, увиденное когда-то на древних фотографиях и рисунках. Гигантский огненный цветок... Нет, скорее, гриб – вот на что это было похоже.

В лицо ударило плотной жаркой волной, заставив покачнуться. Его бы сбilo с ног мощной ударной волной, не будь это иллюзией, транслируемой в мозг откуда-то извне.

Ядерный взрыв – вот что это было. Книжник наблюдал, как горят и рушатся здания, как умирают люди и звери. Как этому несчастному миру приходит конец...

Видение схлынуло так же резко, как и обрушилось. Но осталось ощущение угрозы, наползавшей с неотвратимостью смерти.

Книжник распахнул глаза – словно внезапно вернулся в этот мир из путешествия по далеким мирам.

По барабанным перепонкам ударил многоголосый рев: люди не могли оставаться спокойными, наблюдая за схваткой.

Ратник и вест, сцепившись в смертельный клубок, катались по мостовой. Одного крепкого удара головой о камни могло хватить, чтобы решить итог «поля», одного короткого удара в нервный узел достаточно, чтобы соперник распрощался с жизнью.

– Стойте! – крикнул Книжник. – Остановитесь!

Дьяк Судебного приказа впился в него взглядом. Сражавшиеся в пылу схватки не слышали его, не слышала и толпа, жаждавшая кровавой развязки.

– Я признаю свою вину! Хватит!

Дружинник и Зигфрид продолжали яростно ломать друг друга.

– Остановить поединок! – гаркнул дьяк, и тут же с десятков крепких ратников бросились разнимать сцепившихся в схватке.

– Что ты делаешь?! – пытаюсь вырваться, рявкнул Зигфрид. – В чем ты признаешься?! Зачем?!

– Я добровольно беру на себя вину за все, в чем меня обвиняют, но что я не совершал, – твердо сказал Книжник. – Я знаю, что мне грозит в таком случае – изгнание, равносильное смерти. Я навсегда перестану быть кремлевским, и каж-

дый, кто меня встретит, будет иметь право прикончить меня, как враждебного мута. Ведь этого вы добиваетесь, так?

Книжник поднял голову и посмотрел в сторону князя. Тот сидел в тени, но парень был уверен, что смотрит ему в глаза. Полная тишина, воцарившаяся вдруг на площади, была страшнее этого приговора, что он выносил сам себе.

Изгнание. В этом мире оно равносильно смерти.

– Я сам выношу себе приговор, и сам отправляюсь в изгнание. Не потому, что я виноват. Я ухожу потому, что вижу: я никому здесь не нужен.

И совсем тихо, самому себе, добавил:

– Я нужен тому, кто меня зовет.

Глава 2

Изгой

Со скрежетом закрылись за спиной ворота. Он остался один во мраке ночи, наедине со смертельными пространствами мертвого города. За спиной высилась громада Боровицкой башни, за которой было последнее убежище человечества – гордый и неприступный Кремль, так несправедливо отвергший его. Можно сколько угодно твердить себе, что благо большинства превышает жизни одного человека, – горечь от этого не становится меньше.

Перед ним шагов на триста простирался пустырь – пространство, расчищенное кремлевскими от следов давних и недавних битв. Делалось это не из эстетических соображений, а для лучшего контроля за территорией, примыкавшей к крепостным стенам, чтобы обзор с башен увеличить да уменьшить возможности для всякой нечисти прятаться вблизи Кремля. Так что еще сотню шагов можно было сделать в духе горделивого изгнанника. А потом все, шашаш. В руинах древних зданий у границы пустыря шансы погибнуть на ровном месте возрастают в геометрической прогрессии. Но скорее всего, ему не удастся дойти даже дотуда – слишком открыто и вызывающе он идет, слишком потерянный у него вид, и само его существо сейчас наполнено разрушаю-

щим чувством.

Это называется «поведением жертвы». Мутанты чуют подобное за километры. Книжник осознал это внезапно, остановившись перед высоким завалом из трухлявого кирпича. Огляделся, словно не понимал, где находится, рефлекторно поправил на плече матерчатую суму.

Он не успел толком собраться и взял с собой лишь самое необходимое. На этот раз никто не гнал семинариста из Кремля, он уходил добровольно – по крайней мере, так могло показаться. Острое ощущение опасности заставило Книжника спешно покинуть родимые стены. Может, опасность действительно была, и он мог сгинуть, не дойдя до ворот, – слишком уж хотели некоторые выведать у него заветное «заговорное слово». А может, он гнал себя сам, свикшись с участью изгоя.

Сейчас не было времени копаться в себе. Последнее, что стоит делать в такой ситуации, – предаваться отчаянию. Страх убивает быстрее реальной угрозы, он приманка для хищников, чувствующих пугливое существо за сотни шагов. Страх сам создает себе монстров, не менее реальных, чем те, что подстерегают тебя в древних руинах.

И тем более нельзя расслабляться, зная, что в твоих руках жизнь друга. Он ждет твоей помощи, и именно ради него ты отказался от борьбы за свое честное имя.

Было еще кое-что, заставлявшее двигаться вперед.

Предчувствие большой беды.

Книжник взгляделся в темноту, поправил на плече арбалет – ему удалось взять с собой привычное оружие, хоть опричники и противились этому. Они считали изгнание смертным приговором и не желали давать приговоренному хоть какие-то шансы на выживание. Уже у самых ворот Данила тайком сунул ему в руки сохраненный им арбалет и колчан с увесистыми болтами.

С оружием в руках всегда чувствуешь себя увереннее. Но иногда эта уверенность ложная. Даже матерые ратники редко совершают вылазки за пределы кремлевских стен в одиночку. Это несмотря на особый D-ген, дарящий физическое превосходство над остальными людьми. А уж такому, как он, штатскому, не приспособленному к настоящему бою книжному червю, надо знать свое место и не строить из себя героя. Не идти с арбалетом напролом, а красться, словно крыса, среди каменных обломков, вслушиваясь в каждый шорох. Тогда только и есть шанс уцелеть на этих суровых улицах.

Это означало, кстати, что стоять здесь, разинув рот, небезопасно. За кремлевскими укреплениями круглые сутки наблюдают злые завистливые взгляды, и лучше не попадать в поле их зрения. Одна надежда, что сейчас мутам не до вынашивания коварных планов – они зализывают раны после последней, неудачной осады. Так что надо двигать отсюда – тихо и быстро, пока какая-нибудь ночная тварь не выбрала тебя своей жертвой.

Книжник притаился, вслушиваясь в темноту. Ничего не

разобрать – обычная звуковая каша из шелеста ветра, неясных звуков и шуршания ночных тварей. Однако опытный попутчик пришелся бы сейчас весьма кстати. Большой глупостью была ссора с Зигфридом. Своей выходкой семинарист здорово рассердил воина: вот так, в самом разгаре, прервать поединок – это тяжкое оскорбление. Это не просто драка – это «Божий суд», и вмешательство в него не могло не вызвать всеобщего недовольства. Неудивительно, что вест покинул Вече, даже не попрощавшись. Конечно, для такого поступка были веские причины, однако озвучить их не представлялось возможным. И расплата за него очевидна.

Одиночество.

Упав на колено, Книжник сдернул с плеча арбалет, коснулся утопленного в ложе рычажка. Взводя тетиву, тихо пропел электропривод. Щелкнул и занял свое место увесистый болт, поднявшись из подпружиненного магазина. Отличная машинка, наследие погибших воинов из далекого Бункера. Не автомат, конечно, но в чем-то даже поэффективнее будет. Вскинув оружие, Книжник поводит им из стороны в сторону, вглядываясь во мрак над прицельной планкой. И тихо, «на мягких лапах», двинулся вперед.

За чередой древних воронок от взрывов текла река. Туда ему не надо. Все равно перебраться в одиночку не выйдет. Если не сожрут обитатели мутных вод, то от самой воды не ровен час подхватить какую заразу.

По левую руку – заросли Александровского сада. Сколь-

ко ни чистят их, ни выжигают, чтобы освободить пространство для обзора со стен, мутировавшая растительность упорно прет из земли, давая приют опасным тварям. Настоящий рассадник мутантской нечисти. Так что путь туда тоже заказан.

Остается идти вперед – к древним руинам, что начинаются шагах в пятистах отсюда. И не то чтобы те руины славились своей безопасностью, просто путь одиночки по открытой местности был опаснее многократно.

Не сделав и десятка шагов, семинарист споткнулся, едва не упав. Он присел, оглядывая неожиданное препятствие. Оказалось, что путь ему преградил скрюченный труп мутанта. Покрытый густой шерстью, напоминавший помесь человека и гориллы, нео застыл в луже запекшейся крови. Судя по ране, разворотившей грудную клетку, уложили его из фузеи приличного калибра. Рядом валялся зверского вида двусторонний топор на длинной рукояти. Книжник осмотрелся. Открытое пространство вокруг кремлевских стен до сих пор было усеяно телами мертвых мутов. Дружинники забрали погибших и раненых кремлевских, а трупы врагов представили падальщикам. Тут можно не сомневаться: порядок будет наведен быстро. Мертвая плоть никогда не залеживается, за каждый кусок гниющего мяса здесь будут драться насмерть.

В этом, однако, была и проблема. Сделав несколько шагов, Книжник пригнулся и замер, вслушиваясь и развернув

оружие в темноту. Из-за облаков показалась луна, стало заметно светлее. Представшее взгляду семинариста зрелище заставило его содрогнуться.

Две тощие голые фигуры скрючились над еще одним трупом воина-нео. Они жрали. Заточенными кусками железа срезали холодную плоть и жадно пихали в голодные глотки. Похоже, они даже не жевали, просто глотали, давясь и срыгивая. Шут его знает, что это были за муты. Возможно, какие-то отщепенцы из своих же. В клане так просто своих не жрут – определенный ритуал полагается. Бабу там свою сожрать или ребенка – это у них на здоровье, но павшего в бою воина... Эти же, видать, откровенные мародеры. Таких не жалуют ни люди, ни муты.

И точно. Из темноты, как призраки, вынырнули две темные фигуры. Тоже нео, но покрупнее и с оружием. Книжник едва успел вжаться в землю среди обломков разбитой катапульты. Самое время: еще один нео прошел буквально в нескольких шагах. Эти трое вид имели грозный – тесаки и дубины в мощных лапах, свежие шрамы на мордах и торсах. И поблескивающие в бледном лунном свете беспощадные глаза. Нео свирепы и мстительны. Последнее поражение лишь разожгло в них обычную злобу.

– А ну, стоять, падаль, – пророкотал гневный голос. – На колени!

Трупоеды в ответ что-то испуганно пискнули, но под тяжелыми взглядами воинов послушно попадали на колени,

дрожа и пятясь, будто физически ощущая близость смерти.

– Воинов на поле жрать? – констатировал еще один голос – глухой, сипловатый.

– Кушать больно хочется, – в страхе проныл один из тощих.

Второй попытался улизнуть, но был схвачен одним из воинов и брошен к ногам остальных. Скулящий трупоед ползал, извивался у ног воинов, вновь и вновь пытаясь прорваться в спасительную темноту. Небрежными ударами коротких кривых ног его отправляли в центр круга.

– Табу нарушать? – недобро проговорил воин с тяжелой палицей. – Плохо – табу нарушать.

– Табу нарушать – смертью подыхать, – пояснил другой.

– Табу нарушать – шкура снимать, – завершил третий.

В лунном свете сверкнул огромный тесак с шерботой кромкой лезвия.

– Не надо! Не хочу! – взвизгнул тот, что все норовил сбегать. – Жить хотеть! Хотеть жить!!!

Своим страхом он лишь раззадорил ночных воинов. Один схватил орущего сородича здоровенной пятерней за голову, другой – за ноги, чтоб не дергался. Третий приблизился – и с неожиданной для мута сноровкой ухватил жертву за руку и ловко сделал надрез большим ржавым клинком. После чего сдернул с руки шкуру – с легкостью, как кожуру с банана.

Ночь огласилась диким воплем, переходящим в визг. Шахрагнулись во все стороны мелкие ночные твари. А умелец

уже спустил шкуру со второй руки несчастного и следом сорвал ее с торса – как рубашку снял. Струилась кровь, блестили под луной оголенные мышцы, трупоед выл и визжал, а мучители лишь плотоядно посмеивались. Книжник подумал, что сейчас его вывернет наизнанку от страха и отвращения. Самое поразительное, что второй трупоед так и трясся, стоя на коленях и дожидаясь решения собственной участи, вместо того чтобы воспользоваться занятостью мучителей и смыться в темноту.

Семинарист же ничего дожидаться не стал – торопливо, извиваясь змейкой, он отполз назад, на четвереньках обогнул место расправы и продолжил путь. И вскоре убедился: здесь ему не пройти. Те трое были не единственными, кто интересовался полем минувшей битвы. Затаившись, Книжник наблюдал, как еще несколько мутов, покрупнее, обходят места побоища, собирая оружие и обыскивая мертвых. То ли по приказу действуют, то ли мародерствуют – не разберешь. Самые мелкие из мутов уволакивали куда-то трупы. Странно, если не для жратвы – то куда же? Если с одних шкуру сдирают, стало быть, другим это позволено, а может, и велено кем-то из главарей.

Впрочем, разбираться не было ни времени, ни желания. Нужно как-то миновать место этой нездоровой активности. Ползком, ползком, Книжник стал отступать в сторону кремлевских стен. Тут было важно не подобраться к ним слишком близко – можно было попасть в свет горящих на стенах

масляных фонарей и получить пулю от стражника, а это совсем не входило в планы изгнанника.

Вскоре он с неприятным чувством осознал, что идет самым нежелательным из всех возможных путей – через Александровский сад. В самые дебри Книжник, впрочем, не полез, но и движения по краю хватило, чтобы в руку впился отросток ядовитого плюща, который он едва успел срезать, прежде чем тот пустил под кожу паразитные отростки. Отвлекаясь на хищное растение, он не заметил, как с противоположной стороны приблизилась новая угроза.

– О, черт! – вырвалось у Книжника, и дрогнувший арбалет выпустил болт в угрожающую массу, возникшую во мраке.

Глухой металлический звук прозвучал неприятным сюрпризом. Враг в темноте явно не был нею. В подтверждение пугающего предположения из мрака показалась широкая приплюснутая голова. Не голова даже – выступ металлического панциря с шевелящимися под ним острыми жвалами.

Серв! Служебный биоробот, прихвостень какого-нибудь биомеханического гиганта. Видать, подъедается мертвечинкой на дармовщину. Сверкнули, оценивая обстановку, подслеповатые объективы. Серв оглядел сжавшегося человека. Дряхлые, но все еще живые мозги в механическом теле со скрипом анализировали ситуацию. Отогнутый кусок поврежденной обшивки на железной морде приоткрывал беззащитные биоэлектронные потроха. Туда и стоило бить, если

рассчитываешь победить машину.

Туда парень и целил – в нервный центр биомеханического уродца, не особо рассчитывая на успех: арбалет против машины – не лучшее оружие. Руки заметно дрожали.

Решение было вынесено в пользу человека. Серв попятился и скрылся в темноте. Оно и понятно: зачем тратить энергию на охоту за живым противником, когда вокруг полно неподвижной биомассы? Знай себе набивай биореактор, еще и хозяину достанется. Какому-нибудь био классом повыше – «маунтину» там, или «рексу».

Книжник поежился, огляделся. Такой встречи он и врагу не пожелал бы – против крупного био не то что арбалет, РПГ не поможет. Они свирепы и беспощадны, как и полагаются машинам, созданным для ведения боевых действий на территории противника. Сервы тоже не подарок, но с ними попроще. Сейчас один из них шумно возился, порывая и чавкая во мраке. Урчал, переваривая мертвечину, всеядный биореактор. Био не боялся ни людей, ни мутов. Машины ничего не боятся, даже если у них человеческие мозги вместо процессора.

На этот раз пронесло. Книжник осторожно обошел опасное место и продолжил путь. Отшвырнул пинком какую-то мелкую тварь, та с писком отлетела и была мгновенно сожрана тварью побольше, среагировавшей на движение и звук. Под ногами шныряли крысы-мутанты и ядовитые сороконожки – все стремились набить впрок голодные желудки. Все

это было довольно мерзко, но до настоящей угрозы далеко.

Каждый в этом мире знает простое правило: настоящая угроза одна, и только ее следует бояться. Это та, что однажды тебя убьет.

Приблизившись к Кутафьей башне, Книжник замер, высматривая стражников. Большое, тщательно отполированное зеркало, установленное позади масляного светильника, медленно поворачивалось – стража осматривала окрестности. Под этот луч лучше не попадаться – разбираться не станут, мигом откроют огонь из дальнобойных фузей, что стоят там на сошках, а то и из нового оружия, которое поточней и помощней будет. Сюда, на передовой пост, наверняка отдадут все лучшее. Оно и понятно – эта башня, стоящая как бы на отшибе, всегда первой принимает на себя удар любого врага, оттягивает на себя вражьи силы, давая кремлевским время подготовиться к обороне. Вон, до сих пор на стенах проломы от каменных снарядов и таранов, следы от огня и копоти. И караул здесь всегда особенно нервный.

На Троицком мосту Книжник заметил какое-то движение. Видимо, шла смена караула. Воспользовавшись этим, он осторожно обогнул Кутафью башню и двинулся дальше вдоль опасной кромки Александровского сада.

Под ногами активно шуршали мелкие ночные твари. В какой-то момент подошва скользнула на какой-то живой, изви- вающейся мерзости, и семинарист полетел на жесткие камни. Арбалет отлетел в сторону, и трудно было сообразить,

куда именно, – при падении Книжник хорошо приложился головой. Сел, с шипением потирая лоб, и принялся шарить вокруг, с омерзением отбрасывая насекомых, попадавших под руку. Какая-то сволочь вцепилась в основание ладони, и он, не сдержавшись, вскрикнул. Стряхнул копошащуюся дрянь, подвигал пальцами – ладонь немедленно начала ныть. Похоже на яд. Хорошо, если не сильный...

Движение по левую руку заставило Книжника мгновенно забыть об укусе. Что-то неторопливо приближалось, и он судорожно попытался отыскать проклятый арбалет.

В свете луны показался человек. Самый обыкновенный, только невероятно оборванный и грязный. Всклокоченные волосы спутались с неряшливой бородой, отчего лица почти не было видно, только белки глаз сверкали в лунном свете. Двигался он странно: на четвереньках, короткими перебежками, как животное.

– Эй, ты кто? – сдавленно произнес Книжник.

Человек склонил голову набок, рассматривая его, как собаку. Из полуоткрытого рта густой струйкой стекала слюна.

Да это же ворм! Самый обыкновенный трупоед, потерявший человеческий облик. Таких можно встретить там, где есть падаль. А тут падали хоть отбавляй. Вормы не особо опасны – они предпочитают мертвечину живой добыче.

Конечно, если их не целая стая. По обе стороны от замершего трупоеда появились еще двое, похожих на него, как близнецы. От них даже сюда доносилась удушливая трупная

вонь. Не зря ведь считается: ты то, что ты ешь. Но сейчас любителей мертвечины потянуло на свежатинку... особенно когда к этим трем прибавилась еще парочка. Это будто включило в мозгах вормов программу агрессии. Тот, первый, зарычал и потянулся, лоя воздух раздувшимися ноздрями.

И вдруг бросился вперед, загребая всеми четырьмя конечностями. В отблесках бледных кремлевских огней сверкнула разъявленная пасть с редкими гнилыми зубами, полная пены, как у бешеного зверя. Книжник сжался, понимая, что не успевает вскочить и броситься прочь. Но тут его рука наткнулась на арбалет – и ворм застыл с увесистым железным болтом во лбу. Секунду он будто пытался сообразить, что же отключило ему руки и ноги, и рухнул на камни. Семинарист дотянулся до трупоеда, с силой потянул болт из его головы – не привык разбрасываться такими вещами – и стряхнул с острия густую темную жидкость.

Тем не менее радоваться было нечему – приближались сразу четверо вормов. Книжник вскинул было арбалет, чтобы повторить удачный выстрел, однако увидел, как на него надвигаются все новые и новые фигуры, и оцепенел от ужаса. Это было похоже на наваждение. Все трупоеды как один пялились на него, истекая тягучей слюной. И с ледяным холодом внутри парень вдруг ощутил себя пищей. Едой.

Вскочив, он бросился прочь, спотыкаясь – луна, предательница, скрылась за облаками, – падая и снова поднимаясь. Следом несся разноголосый рев и топот множества ног.

Отстреливаться от толпы бесполезно: вормы тупы, их не запугаешь оружием, а скорострельности арбалета на них никак не хватит – даже если выдержат нервы и не дрогнет рука.

Но откуда их столько? Похоже на так называемый гон. Бывает такое, у многих тварей случается: соберутся в толпу и прут неизвестно откуда неизвестно куда. Да плевать на подробности. Главное теперь, убегая от одних врагов, не налететь на других...

Книжник как в воду глядел: впереди возникла оскаленная рожа нео. Видать, возился над трупом убитого сородича и вскочил, услышав шум. Не целясь, семинарист всадил в живот мута болт. Мут зарычал, пошатнулся и побрел куда-то в сторону. Несколько секунд спустя Книжник услышал его вопли: вормы нашли-таки себе добычу – в виде любезно подстреленного нео. Что ж, на какое-то время у трупоедов есть занятие.

Вскоре он, не выдержав бешеного темпа, рухнул на колени и постарался восстановить дыхание. Проклятье! Он еще и на пятьсот шагов от ворот не отошел, а уже несколько раз побывал на волосок от смерти. Что же дальше? Как прорваться через кольцо этих жадных падальщиков? Чисто статистически его шансы добраться до пункта назначения стремятся к нулю. Тем более что направление знает он лишь приблизительно. Стало быть, лезть напролом равносильно самоубийству.

А что делать? Вернуться, скрестись у ворот, умоляя впу-

стить и простить все грехи?

Он мрачно усмехнулся. Как же, пустили его туда! Изгнание равносильно смертному приговору. Так и задумано – чтобы он сдох сейчас в соседних руинах, да и дело с концом.

С этой мыслью пришла отрезвляющая злость. Ну уж нет, не дождетесь! Так просто он не сдастся! Должен ведь быть способ...

Книжник снова огляделся, пытаясь сообразить, где находится. Где-то неподалеку рычали и чавкали вормы, а из-за Угловой Арсенальной башни выглядывала черная бесформенная громада.

Форт. Старое укрепление, некогда разрушенное, а теперь восстановленное пришельцами из-за Садового кольца. Он сам привел сюда остатки некогда гордого и сильного народа – вестов. Теперь от него остались лишь женщины да дети. Ну и Зигфрид, конечно, – последний воин своего племени.

А еще там была Хельга.

Мысль о девушке заставила сердце тревожно и в то же время приятно екнуть. Она сейчас там, среди своих, в относительной безопасности. Соплеменники не выдадут ее, а князь не позволит опричникам нарушить договор. Во всяком случае, хочется в это верить.

Луна снова показалась из облаков, бледно сверкнул шпиль над фортом, колыхнулся тонкий раздвоенный вымпел на его верхушке. И тут же все кануло обратно во мрак – тучи вновь поглотили ночное светило.

Это знак. Ему нужно туда. И не только потому, что там Хельга. Просто сейчас под стенами Кремля его ждет гибель. Там же, на нейтральной территории, у него будет время перевести дух и подготовиться к дальнейшему пути. А может, и найти какое-то альтернативное решение вставших перед ним целей.

Новая задача придала Книжнику второе дыхание. Поудобнее перехватив арбалет, он решительно направился в сторону Форта.

Массивное сооружение из бетона и камня врезалось в Красную площадь, изъеденную следами нескончаемых битв. Оно напоминало древнюю усеченную пирамиду из исторических книг, только, в отличие от египетской гробницы, служило совсем другой цели – сохранению жизни. Где-то там, за массивными стенами, скрывались весты. И хоть строили это сооружение женщины и подростки с посильной помощью кремлевских, в нем проявилась свойственная вестам рациональность. По тем же принципам был построен и Бункер – истонное убежище вестов, оставленное ими навсегда. Ни в нем, ни в Форте не было сурового изящества кремлевских стен – одни только покатые серые грани. Посторонний никогда не нашел бы ворота или какой-либо вход: это было куда сложнее, чем снести Форт с лица Земли.

– Да где ж это... – бормотал Книжник, обходя по периметру безликие стены.

Вроде совсем недавно здесь гостил... Может, в темноте

дело, может, в напряжении и усталости, только проклятая стена была совершенно монолитной.

– Что за чертовщина? – семинарист уже тупо вел ладонью по шершавой стене, пытаясь нащупать хоть какую-то трещину или впадину.

Без толку. Между тем им уже начали интересоваться с кремлевской стены. В его сторону потянулся луч «прожектора» ночной стражи. Бледный круг света скользнул по стене, и парень едва успел припасть к земле, скорчиться и замереть, прикинувшись безобидным валуном. Не хватало только получить пулю от своих же, что примут тебя за вражеского лазутчика. Луч ушел в сторону. Но долго радоваться не пришлось: из темноты потянулись тихие тени. Крупные, быстрые. И вряд ли чересчур травоядные. Похожи на крысособак. И одна такая – опасный противник, что уж говорить, коли их целая стая. Твари приближались, гнусно взрыкивали. Книжник попятился и прижался к стене, чтобы звери не зашли со спины – они явно пытались оттеснить его от Форта. Умные собачки. Или крыски – чего в них больше, не понятно.

Дело, однако, дрянь. Сражаться в темноте со стаей – занятие безнадежное. И уж тем более наивно надеяться от них убежать. Средство здесь только одно: нападение.

Уже не думая, он сделал шаг вперед, и тут же навстречу бросилось мускулистое тело твари. Тут главное, чтобы рука не дрогнула. А это легко, когда на тебя смотрят огненные глазки-бусины и клацают длинные желтые клыкорезцы.

Взвизгнув, крысособака отлетела назад с острой железкой во лбу. Привод мгновенно взвел тетиву, и вовремя: пришлось с разворота осадить еще одну тварь, что примерилась вцепиться в ногу. Визг, вой, злобное рычание – кровь сородичей только раззадоривала хищников.

Все, хватит строить из себя героя, самое время дать деру. Закинув оружие за спину, одним прыжком Книжник взлетел на узкий карниз, опоясывавший Форт. Наверное, верхний срез фундамента, оставленный весьма кстати. Стоять можно было только на носках, припав всем телом к стене – ужасно глупое положение, да и не выстоишь так долго.

– Ну, где вы там?! – семинарист в отчаянии заколотил по бетону. – Где вы там прячетесь?! Меня же сожрут заживо!

Вскоре ноги начинали уставать, и стая внизу это почувствовала. Крысопсы рычали, подскакивали, и оставалось лишь злобно отбрыкиваться, даже не помышляя о поисках входа.

Положение становилось безнадежным. В глаза вдруг ударило светом: на стене его все-таки заметили. Рядом взметнулся фонтанчик искр и каменной крошки, и рикошет с визгом ушел в сторону.

– Началось... – вжимая голову в плечи, скрипнул зубами парень. – Сейчас снимут...

Вторая пуля ляпнула еще ближе. И Книжника как прорвало:

– Да что вы там, спите все?! Меня же убьют, из-за вас

убьют, люди вы или нет?!

Он орал, разбивая в кровь кулаки, а рядом били и били пули, а под ногами бесновались бешеные псы. И можно было лишь гадать, от чего он погибнет раньше – от пули или, сорвавшись вниз, от жадных челюстей.

Когда Книжник уже потерял остатки надежды, в глаза снова ударил свет. На этот раз – со стороны стены, в которую он вжимался влажной щекой. Бетон вдруг куда-то провалился, и прямо перед глазами в стене возникла ниша квадратного сечения, из которой прозвучал знакомый голос:

– Чего орешь? Детей разбудишь.

Это был Зигфрид. Семинарист не нашелся даже, что сказать в этот момент. Просто протянул вперед руку в попытке за что-нибудь ухватиться. Это движение вышло боком: нога сорвалась с узкого карниза, и он полетел вниз, к этим голодным, шелкающим пастьям...

Зигфриду не откажешь в реакции. Он-таки умудрился схватить его за запястье в самый последний момент. Книжник вскрикнул от боли: руку резанули осколки, выбитые пулей из камня. Он не помнил, как его втащили внутрь через тесный вентиляционный лаз, как встала на место тайная каменная дверь.

* * *

Книжник сидел на низкой деревянной скамье, молча на-

блюдая за работой Зигфрида. Тот правил клинки на массивной наковальне. Самое мужское занятие, тем более что взрослых мужиков в Форте кроме них не было. С противоположной стороны за работой следили двое подростков лет тринадцати, один – бледный и белобрысый, второй – скуластый и кучерявый. Надо думать, это был урок.

– А ну, давай сюда палаш, – приказал Зигфрид.

Подростки разом бросились к небольшому горну, едва не сцепившись за право взять грубые железные клещи. Белобрысый подцепил клещами раскаленный клинок, уронил его обратно, снова ухватил. Второй мальчишка коротким ломиком поддержал ненадежно схваченный предмет, и вместе они донесли его до наковальни. Рукой в перчатке воин ухватил палаш за основание рукояти и несколько раз ударил тяжелым молотом. Критически осмотрел результат, подправил молотком поменьше и бросил клинок в бочонок с водой. Зашипело, повалил пар. Вынув оружие, вест направился к большому точильному камню на станке. Мальчишки уже знали, что делать: завертели рукоять привода, придав вращение круглому камню. Уверенным движением Зигфрид провел по нему кромкой палаша с одной стороны, с другой. Сноп искр, летевших из-под металла, приводил мальчишек в восторг. Все-таки развлечений в Форте немного.

– Хорош, – сказал вест. Оглядел клинок, попробовал остроту заточки. – Вот как-то так это делается. Это – простое оружие, из дешевого металла. С хорошей сталью все слож-

нее. Но для начала надо освоить азы.

Мальчишки слушали, раскрыв рот. Зигфрид передал им палаш со словами:

– Отполировать до блеска! Рукоять соберете сами. Да понадежнее – потом проверю.

– А когда вы будете править ваш меч? – косясь куда-то в угол, спросил белобрысый парнишка.

Там, в простых кожаных ножнах, обмотанных ремнем, отдыхало любимое оружие Зигфрида.

– Никогда, – кратко сказал воин.

– Почему? – удивился кучерявый.

– Это особое оружие. Оно не нуждается в правке.

– Но хотя бы достать его можно?

Зигфрид неторопливо подошел к мечу, поднял его, взялся за рукоять. Внимательно посмотрел на подростков – и убрал руку. В глазах мальчишек появилось разочарование.

– Боевое оружие следует доставать из ножен только в одном случае – если собираешься его применять, – размеренно пояснил Зигфрид. – Оно не для любования, не для хвастовства и не для пустых угроз. Никогда не бери в руки меч. Но если взял – будь готов ответить за это. Кто из вас считает, что уже готов к этому?

Он протянул оружие рукоятью вперед. Ребята переглянулись. Восторженные улыбки сползли с их лиц, уступив место растерянности.

– Ну что же вы? – прищурился вест. – Кто считает себя

воином – пусть вынет этот меч из ножен и покажет, на что он годен.

Мальчишки хмуро топтались, глядя на ножны, как загнипнотизированные.

– Ну же? – подзадоривал Зигфрид.

Белобрысый решился. Подошел – и схватил меч за рукоять. Тут же отдернул руку, затряс ею, зашипел, попятился.

– Горячая! – изумленно пробормотал он. Поглядел на покрасневшую ладонь, словно не веря собственным ощущениям.

– Вижу, рановато вам боевые клинки в руки брать, – усмехнулся вест.

– Мы уже брали в руки оружие, – хмуро отозвался кучерявый. – Мы каждый день тренируемся!

– Вы же сами учите нас драться! – запальчиво крикнул белобрысый.

– Вот именно, – отрезал Зигфрид. – Учю. И это – тоже урок. Заслужите собственное оружие, сделайте его частью самого себя, научитесь хладнокровно сражаться – и никогда не доставать оружие ради забавы. И поосторожнее с чужим оружием – оно ваш враг. Может подвести, а то и погубить вас... А теперь – бегом отсюда!

Мальчишки послушно припустили к выходу.

– Рукоять к палашу приделать не забудьте, – бросил вслед Зигфрид. – Проверю!

Вест и Книжник остались вдвоем.

– Зачем ты с ними так резко? – спросил парень.

– А чего церемониться? Они – будущие воины. Нужно учиться держать удар.

– Но ты же для них – кумир. Они тебе просто в рот смотрят, каждое слово ловят.

– Это в вашей священной книге сказано – «не сотвори себе кумира»? Вот и я считаю, что незачем им на меня молиться. Я не вечен, а каждый из них должен быть самодостаточной боевой единицей.

– Жестко.

– Такова жизнь. Когда-то им во главе народа становиться. Я не вечен, не ровен час помру или убьют на каком-нибудь «Божьем суде».

– Намек понял. Зиг, я благодарен, что ты вступился за меня...

– К дьяволу твои благодарности! – вест отбросил ножны с мечом на лавку, поглядел исподлобья на друга. – Скажи лучше, что это было, черт возьми? Почему ты остановил поединок? Зачем так легко сдался? Только не говори, что за меня испугался – так и до оскорблений дойти можно.

Книжник прекрасно понимал ситуацию, в которую по его вине попал друг. Для веста смерть – это просто неприятный попутчик, с которым надлежит считаться. А схватка – это даже не событие, это образ жизни. Последний воин своего народа никогда не упускал повода испытать себя на прочность. При этом присутствовала в нем здоровая рациональность: он

не рисковал ради риска. Пока не подросло новое поколение вестов, на нем лежала ответственность за судьбу его народа. Но если уж он вступил в схватку, то делом чести было довести ее до победы. Очень трудно объяснить Зигу случившееся так, чтобы окончательно не поссориться с ним.

– Лого, – глухо сказал Книжник. – Я слышал его.

– И что? – вест пожал плечами. Он знал, что между Книжником и шамом существует ментальная связь. Точнее, с мозгом мертвого шама, помещенным в металлическое тело боевого робота. Такая уж история приключилась с их общим знакомым.

– С ним беда.

– Не вижу связи. Почему бы тебе сначала не разобраться со своими проблемами, прежде чем спасать какого-то био?

– Он не био.

– Без разницы.

Зигфрид небрежно сплюнул. Он довольно холодно относился к Лого. Наверное потому, что не понимал, как можно быть роботом с мозгом шама и при этом оставаться разумным, чувствующим существом. Поэтому в разговоре стоило приводить более понятные ему аргументы.

– Дело не только в нем, – вздохнул Книжник. – Беда коснется всех нас.

– Что там стряслось? – равнодушно спросил вест. – Что может быть хуже того, что уже случилось? Нео разгромлены, их остатки отброшены, и они не скоро решатся на новый

штурм.

– Да при чем здесь муты!

– Что за беда в таком случае?

Книжник покосился на друга. Вест с прищуром разглядывал его, не принимая сбивчивых объяснений. Нет, так, с ходу не расскажешь о своих видениях. Это надо самому прочувствовать, иначе рассказ будет похож на страшную сказку. Он и сам не был уверен, что все это не плод воспаленного воображения на фоне последних событий. А Зигфрид слишком рационален, чтобы доверять чьим-то смутным предчувствиям.

Семинарист одернул себя: он не сошел с ума! Он действительно слышал ментальное послание Лого – такое не раз уже случалось, и это он ни с чем не перепутает. Бросить в беде боевого товарища? Исключено.

Тем более теперь, когда все пути назад отрезаны, когда Лого – единственный, кто в нем нуждается. Не считая Хельги, конечно... Но не время думать о личном.

Книжник мрачно поглядел на веста, спросил твердо:

– Так ты со мной или как?

– Даже не знаю, – глядя в затухающее пламя горна, задумчиво проговорил Зигфрид. – Дел-то полно, не время ерундой заниматься. Подумаешь, что там и кому почудилось – не тащиться же из-за этого черт знает куда, – он перевел взгляд на семинариста. – С другой стороны, грешно бросать в беде юродивых. Мне-то плевать, но так отец Филарет сказал, а он

человек мудрый. В ваших богов я не верю, но мало ли, может, зачтется...

– Я в тебе не сомневался, Зиг! – обрадовался Книжник. – Пришлось бы одному идти – мог бы и сгинуть. Ну а вместе нам сам черт не страшен!

– Ну да, ну да, – без особого энтузиазма сказал Зигфрид. – Черт не страшен, пока он не начал щекотать в интересном месте.

Но Книжник уже ощущал эту легкость, когда не надо одному тащить на себе непомерный груз. А вест – он поворчит да и перестанет. Потому что, несмотря на всю чрезмерную внешнюю суровость, он способен жертвовать собой ради друга.

Обрадованный Книжник даже осмотрел мастерскую. Взгляд его остановился на тусклом металлическом цилиндре высотой сантиметров в двадцать, стоявшем на краю грубого верстака. Отчего-то его матовая поверхность притягивала взгляд. Он машинально взял эту штуку и с удивлением ощутил в ладони легкую вибрацию. И тут же все тело охватила странная легкость, в голове прояснилось, и показалось, что он сейчас поймет что-то очень важное...

– Отдай, – Зигфрид выдернул странный предмет из рук друга. – Козленочком станешь.

– Что это? – округлив глаза, спросил Книжник.

– Не знаю, – Зигфрид аккуратно вернул цилиндр на место. – Хреновина какая-то. У мертвого био забрал. Трофей

бессмысленный, но хоть что-то.

– Погоди... – не отрывая взгляда от предмета, пробормотал парень. – Это что-то необычное. Оно на разум как-то любопытно действует...

– А ты всегда хватаешь в руки все любопытное? – нахмурился Зигфрид. – Странно, что ты все еще живой.

– И что ты собираешься с этой штукой делать?

– А ничего, – Зигфрид пожал плечами. – Может, разберусь на досуге. Ты лучше скажи, когда выступать планируешь?

– С рассветом! – Книжник резко поднялся, прошелся по мастерской. – Болтов бы к арбалету да провизии... Ну и Хельгу повидать...

– А ты не суетись, – сказал воин. – Нет здесь твоей Хельги.

– Она разве не в Форте? – насторожился Книжник. – Если она в Кремль подалась – ее же схватить могут!

– Ее и здесь схватить могут, – заметил вест. – Именно поэтому она и ушла. Рискну предположить, что не в Кремль. Что ей там делать? Она не княжий советник, ради нее Вече собирать не будут. Сразу в темницу бросят – и поминай как звали.

– Куда же она ушла?

– А я почему знаю? Москва большая... – Зигфрид поймал напряженный взгляд Книжника. – Да ты не трись – с нею Молния пошла.

Книжник хотел было возмутиться: если Хельга – просто

дерзкая девчонка, то Молния – вообще ребенок. Да прикусил язык. Девочка, воспитанная беспощадными дампами, могла дать фору бывалому ратнику. Да и Хельга у него не промах, что ни говори. Но в бесконечных лабиринтах города-призрака ни у кого нет стопроцентных гарантий дожить до следующего дня – ни у обреченного подранка, ни у вооруженного до зубов головореза. Перед мертвым взглядом руин все равны.

* * *

Сборы были недолгими. Зигфрид всегда готов сорваться в путь. Все, что ему требовалось, – закинуть за плечи меч да нацепить пояс с парой верных револьверов. Он и Книжника приучил легче относиться к походам, по сути сделав из книжного червя какого-никакого, но воина. Впрочем, разница между ними никогда не исчезнет. Природу не обманешь. Если уж ты родился с задатками бойца – то так тому и быть. А родился хилым, но умным – развивай то, к чему склонен, делай своим оружием разум. Наверное, оттого и стали они одной командой, помножив силу и ловкость на ум и смекалку.

Впрочем, одним умом на просторах Москвы не проживешь. Здесь даже у растений есть шипы и яд. Свои «шипы» были и у Книжника. Из тайника, устроенного в стене с помощью Хельги, он вытащил тугую связку железных стилусов.

Это в кремлевской семинарии стилусами лишь бересту царапают, учась грамоте и другим наукам. В его же руках эти небольшие предметы – смертельное оружие. Смазанные парализующим ядом острия вполне способны остановить врага на расстоянии шагов в десять – главное, метнуть сильно и точно. А уж на тренировку этого навыка он потратил немало времени.

Помимо стилусов здесь был охотничий нож в кожаных ножнах – подарок Хельги. Его Книжник приторочил ремешком к голени. Основным оружием оставался верный арбалет, который не раз выручал его в самых тяжелых ситуациях. В недрах Форта имелись источники драгоценного электричества, которым делился с союзниками Кремль. Так что удалось без проблем подзарядить батарею механизма самовзвода – без него арбалет был не столь эффективен.

Спутники собрали легкие рюкзаки с провизией и водой – не стоило рассчитывать на пополнение запасов в пути. Книжник взял кое-какие медикаменты собственного приготовления из целебных трав и корней – все это уже не раз доказывало свою эффективность в полевых условиях.

Вышли во внутренний двор Форта, принялись тщательно подгонять снаряжение. Ничто не должно греметь и позвякивать, привлекая ненужное внимание. Критически осмотрели друг друга – больше из привычного воинского ритуала, чем из реальной необходимости. Сотни лет так собирались бойцы, уходя на опасные задания. Странно было сейчас думать

о том, что оба они – потомки непримиримых врагов, разрушивших когда-то этот прекрасный город в смертельной битве. Да и что кривить душой – уничтоживших весь прежний мир.

За их приготовлениями с почтительного расстояния следили женщины и юные весты. Каждый раз, прощаясь с воинами, они провожали их навсегда. Хотелось думать о том, что это – всего лишь традиция.

Зигфрида немного задержали. К нему вышла высокая красивая женщина. Взяла его за руку, пронзительно посмотрела в глаза. Это была Инга, подруга воина. Книжника поражала сдержанность, с которой прощались весты. Он знал, как Инга любит Зига и какие чувства тот испытывает к ней. Но все проявления этих чувств возможны только при возвращении. Так у них принято.

Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, Книжник еще раз осмотрелся. Светало. Но здесь, в небольшом внутреннем дворе, это почти не ощущалось. В свете факелов двор казался больше, чем был на самом деле. Удивительно, что в глубине этой «пирамиды» вообще имелось открытое пространство – настолько удачно все было скрыто. Как входы и выходы, искусно замаскированные заподлицо со стенами.

– Ну что, идем? – то ли спросил, то ли позвал Зигфрид.

Книжник молча кивнул. И оба направились в сторону темной галереи, ведущей от внутреннего двора к внешней стене. Галерея хитро изгибалась, исключая сквозной прострел, на

случай, если врагам удастся прорваться сквозь череду крепостных ворот. Те, в свою очередь, представляли собой систему монолитных каменных блоков, легко и быстро сдвигавшихся на хитрых противовесах. Поразительно, как ловко весты замаскировали входы и выходы из своего убежища.

– Стой! – сказал вдруг Зигфрид. Он остановился, на лице его появилась задумчивость.

– Забыл что? – поинтересовался Книжник.

– Пожалуй, – произнес Зигфрид. – Погоди немного, я в мастерскую – и обратно.

Какое-то время Книжник стоял один в темноте галереи. Его посетило нехорошее предчувствие: возвращаться перед самым уходом в опасный путь – плохая примета.

Но Зигфрид плевать хотел на приметы. Вскоре он вернулся – с тем самым странным цилиндром в руках. Торопливо сунул его в рюкзак, брезгливо отряхнул руки, будто стремясь избавиться от его воздействия.

– Зачем он тебе? – спросил Книжник.

– Да я подумал, что и вправду незачем. А так завернем по пути на Базар, может, пару монет за него выторгуем. Путь-то неблизкий, немного золотишка в дорогу не помешает.

Книжник скептически пожал плечами. Во-первых, он не был уверен, что кто-то станет платить за штуковину непонятного назначения. А во-вторых, ему было жалко этой вещицы. Он хотел бы для начала разобраться, что это такое и как воздействует на человека. В памяти было свежо волну-

ощущение от прикосновения к предмету.

Но Зиг, как всегда, прав. Можно годами возиться со странной находкой, какие встречаются в развалинах города. А можно выручить несколько вполне конкретных монет, которые могут пригодиться в пути для решения конкретной задачи. Все в этом мире просто. Выживает здесь тот, кто принимает мир таким, какой он есть – конкретным и безжалостным.

– Ладно, идем, – вздохнул Книжник.

Когда за их спинами глухо задвинулся последний бетонный блок, семинарист обернулся и снова не нашел и следа входа. Обратного пути не было.

Вскоре в рассветной дымке скрылись кремлевские башни, и два путника остались наедине с враждебным пространством. Царила вязкая тишина, словно и не было кровавой ночной возни.

Город-мясорубка взял небольшую паузу. Он переваривал сожранное за ночь.

Глава 3

Удачная покупка

Они уходили на запад. Путь был знакомый, но не стоило обольщаться. Здесь всегда какая-то движуха. Никогда нельзя быть уверенным в том, что пройденная однажды безопасная тропа на обратном пути останется той же. Ведь всегда за тобой по пятам крадется смерть, и не важно, в какой она маске.

Впрочем, идти вслед за опытным воином было куда безопаснее, чем переться в одиночку, да еще ночью. Зиг с ходу взял на себя роль лидера, и Книжнику начало казаться, что все пройдет легко и быстро. Скоро они отыщут Лого, разберутся с его бедой, и окажется, что все не так уж страшно. У страха ведь глаза велики. Мало ли что могло почудиться при ментальном контакте? Теперь все опасности виделись лишь в самом пути – через разрушенные Последней войной и временем руины, где обитает многоликая смерть.

Знать бы только, куда именно они идут.

– Точку назначения знаешь? – как бы между прочим спросил Зигфрид.

– Только направление, – очнувшись от мыслей, отозвался семинарист. – Ментальный контакт ощущался слабо, наверное, Лого далеко был.

– «Далеко» – понятие растяжимое, – заметил Зигфрид. –

Одно дело, если он внутри Садового кольца, другое дело, если до МКАДа добрался.

– Не думаю, что настолько далеко, – неуверенно проговорил Книжник.

– Это же «раптор», он быстрый, за это время куда угодно дотопать мог.

И то верно. У боевого биоробота класса «раптор» в руинах мало естественных врагов. Оттого и вызывал тревогу этот далекий крик о помощи. Иногда Книжник пытался представить, каково это – очутиться в холодном механическом теле, в котором твоего, живого, – один только перепуганный разум. От этих мыслей его мутило. Наверное, он бы не выдержал, свихнулся. Пусть и вживлены в «серое вещество» электронные подавители эмоций, хоть и подчищена память – но человеческое, живое, нет-нет да и проявляет себя в этих чудовищных машинах. Оттого биомеханические звери кажутся еще страшнее, чем если бы были с одной лишь электронной начинкой. Порой Книжник испытывал угрызения совести за то, что не дал тогда Лого просто умереть в подаренном ему природой теле шама.

Какое-то время они шли старым маршрутом, который Книжник успел уже хорошо освоить, лишь недавно впервые покинув Кремль. Вот так, переулками, вдоль Воздвиженки, стараясь не выходить на открытое пространство и не спугнуть всякую нечисть, притаившуюся в развалинах.

Неожиданно Зигфрид свернул в сторону и пролез в узкий

пролом в полуразрушенной стене. Пройдя немного вслед за вестом, Книжник позвал:

– Эй, Зиг! Что-то я не пойму, куда мы идем.

– А про Базар ты забыл? – отозвался воин. – Хреновину продать надо.

– Тьфу ты, точно забыл, – признал Книжник. – Базар, он же в Мертвой зоне находится?

– Да.

– Мертвая зона – это хорошо, – приободрился Книжник. – Там спокойно.

Не то чтобы это действительно радовало. Просто Мертвая зона на какое-то время гарантирует безопасность. Всем ведь известно: кровь там проливать нельзя. Никто не понимает, отчего так происходит, но свойство это активно используют. Именно в Мертвых зонах располагаются Базары – а где еще могут встречаться представители враждующих народов и кланов? Нейтральность Мертвой зоны гарантируется самым весомым аргументом против любых конфликтов на ее территории – угрозой неминуемой смерти. Любая попытка убийства грозит гибелью самому убийце. И как бы ты ни ненавидел своего врага, на Базаре придется его терпеть.

Есть такое слово – толерантность. Слово довольно глупое, если не сказать – тупое. Это когда ты вынужден делать вид, будто спокойно относишься к тому, что вызывает твое естественное раздражение и даже ненависть. По сути, пресловутая толерантность – это замаскированные улыбками ложь и

злоба, нарастающие медленно, словно огромный гноящийся пузырь, грозящий в итоге лопнуть и забрызгать мерзостью всю планету. Некоторые считают, что именно эта раздутая до небес догма и привела в итоге к Последней войне. Из чего легко сделать вывод: толерантность – это технический термин, трафаретом наносимый на корпус межконтинентальной ядерной ракеты. Теперь любая попытка заблеять «в духе толерантности» вызывает единственную реакцию – кулак в морду или меч в брюхо.

Но в этом месте все иначе.

Ты сразу понимаешь, что пришел. Сначала тебя встречает тишина. Не та тишина, какая бывает в мертвых развалинах, а особенная, ватная, мертвая. Потом начинаешь ловить себя на ощущении чьего-то внимательного взгляда. Холодного, оценивающего. И ты понимаешь, что не можешь свершить проступок. Это, наверное, охлаждает даже самые горячие головы. А не охладит – тогда остынет на этих пыльных обломках твое тело. Только вначале увянет и сохнет, как мумия.

Спутники вышли на небольшую площадь, зажатую между серых зданий с зияющими провалами окон. Книжнику уже доводилось бывать здесь, но сердце все равно екнуло.

Вон они, нео, извечные враги остатков человечества. Возможно, именно эти еще несколько дней назад штурмовали кремлевские стены, а теперь сидят себе спокойно, делая вид, что явление двух «хомо» нисколько их не трогает. А может,

и правда не трогает. Нео вспыльчивы, мгновенно приходят в ярость – но так же быстро и теряют интерес к драке, особенно если брюхо набито туго. Да и вообще, муты больше в стаде сильны, а в одиночку большинство из них – просто трусливые обезьяны. А эти – так и вовсе строят из себя респектабельных торговцев. Вон как важно развалились на грязных циновках перед символическими каменными прилавками. Разумеется, на прилавках ничего стоящего: какие-то тряпки, пара ржавых ножей, мутные стеклянные банки. Так здесь принято: настоящий товар на всякий случай припрятан где-то за спиной.

Конечно, муты-торговцы выглядели жалко по соседству с маркитантами, занимавшими самые удобные места на этой «торговой точке». Маркитантов было двое. Оба в вызывающе черных кожанках и неизменных темных очках. В Москве редко когда увидишь столь насыщенный черный цвет – ткани сплошь и рядом выцветшие, серого, мышинового оттенка. А эти в коже щеголяют, форсят. Как бы подчеркивают, что они, маркитанты, особенные и доступно им поболее простых смертных. Так оно, по сути, и есть. Маркитанты на то и маркитанты, что имеют доступ к почти неограниченным ресурсам древних стратегических складов. Расположение их – тайна, и защищена она кровавой круговой порукой. Маркитант скорее сдохнет, чем раскроет тайну склада. Тем более что ни один из них не владеет полной информацией.

Эти двое ко всему прочему были обладателями автоматов

системы Калашникова. Одним словом – хозяева жизни.

Именно им вест и собирался предложить странный «зудящий цилиндр». Возможно, он даже мог взять с них неплохую цену. Во всяком случае, так казалось вначале. Вест подошел к расслабленно развалившимся маркитантам, в своей экипировке похожим на близнецов, и остановился перед прилавком из пары бетонных блоков. На блоке были расставлены товары, тоже, разумеется, символические: отполированный до блеска нож, сверкающая банка восстановленных консервов и восстановленный же автоматный патрон. Это не просто иллюстрировало ассортимент, имевшийся у маркитантов. Это недвусмысленно заявляло: у них есть все. И они еще подумают, стоит ли с тобой разговаривать – можешь ли ты что-то им предложить?

Зигфрид молча поставил перед торговцами «зудящий цилиндр». Маркитанты обменялись взглядами из-под темных очков. Похоже, эта штука была им знакома. Один из них, с неподвижным лицом, половина которого была сплошным давним ожогом, нарочито лениво потянулся, обхватил цилиндр пальцами и характерно содрогнулся. Эта реакция была уже знакома Книжнику – небось произошло этой странной ментальной волной. Маркитант потянул предмет на себя, но сверху его небрежно прижала крепкая ладонь веста:

– Интересно? – небрежно спросил он.

Маркитант убрал руку, откинулся, разглядывая веста сквозь черные стекла.

– Сколько хочешь?

– Называй цену, – предложил Зигфрид.

С нарочитым пренебрежением торговец бросил:

– Ну, пять монет дам. Вещица-то забавная, но не особо редкая. И не особо нужная.

Воин усмехнулся:

– Пять монет с ходу – за «ненужный» хлам? Что-то мне подсказывает, ты можешь дать в десять раз больше.

Второй маркитант заерзал на месте, и даже не искушенный в торге семинарист понял, что вест бьет в самую точку.

– Не жирно ли будет? – первый маркитант презрительно улыбнулся.

– Пятьдесят монет за уникальный прибор, – холодно сказал Зигфрид. – Твой клан не обеднеет.

– Можно подумать, ты знаешь, что это за штука, – отозвался маркитант. Медленно отодвинул от себя цилиндр. – Нет, за такую цену не возьму. И попробуй кому еще его продать. Прибежишь к нам – но и десяти уже не получишь, потому как поздно будет....

Пока Зигфрид препирался с маркитантами, Книжник оглядывался по сторонам и не смог сдержать невнятного возгласа. Зигфрид недовольно поглядел туда же и тоже замер.

Там, по правую руку, сидело трое торговцев из числа шамов. Жутковатые уродцы, со щупальцами на лицах, известные своей способностью к телепатии. Лого тоже был одним из них, пока не получил пулю и не передал свой мозг биоро-

боту. Но дело было не в шамах, а в их товаре. Рядом с ними сидел некто с накинутой на голову тканью. Это означало вид товара, который предлагали здесь шамамы. А именно – рабы. В другом месте Зиг, не задумываясь, расправился бы с подлыми мутами, осмелившимися торговать людьми. Да и Книжник при всем природном гуманизме не пожалел бы арбалетного болта для любого из этих негодяев. Но это Мертвая зона – а значит, придется мириться с ее правилами.

И не в том беда, что эти подонки торгуют живой человеческой, а в том, кто скрывался под грубой мешковиной. Книжник видел только руку, но и этой кисти с парой легкомысленных плетеных браслетов хватило, чтобы понять простую и страшную вещь.

Там, с веревкой на щиколотке, пугающе неподвижно сидит она. Хельга.

Бог его знает, как она умудрилась попасть на крючок к хитрым мутам. Хотя оно и не мудрено: шамамы умеют подавлять человеческую волю.

Книжник в отчаянии посмотрел на Зигфрида. Тот тоже все понял и приказал взглядом: не дергайся. Однако семинарист не смог удержать порыв броситься к этим уродливым тварям, кричать, умолять, угрожать, – хорошо, вест ухватил его выше локтя, оставив стоять на месте.

– Ладно, – Зигфрид забрал цилиндр. – Вижу, нормальную цену вы не даете, предложу-ка кому еще.

– И кому же? – нервно хохотнул маркитант. – Нео? Или

дампам?

– А кого заинтересует. Шамам, например.

Зигфрид встал и потянул за собой друга. Придерживая его, норвящего броситься вперед, неторопливо двинулся вдоль бетонных «прилавок».

– Эй, вест! – позвал за спиной маркитант. – Ну, ладно, уболтал – дам двадцать монет!

Зигфрид даже не обернулся.

– Тридцать!

Воин все удалялся.

– Черт с тобой – сорок!

Спина Зигфрида выражала презрение.

– Твоя взяла – бери свои пятьдесят!

Вест бросил через плечо:

– Поздно. Я передумал.

Маркитантов перекосило. Могло показаться, что у них даже очки запотели от злобы. Первый из них крикнул:

– Не надо с нами шутить, вест! Ты же знаешь – с нами шутки плохи!

– Я знаю, – спокойно сказал Зигфрид. – Я помню.

У него с маркитантами были давние счеты. Он вообще считал, что именно кланы торговцев приложили руку к гибели воинов его народа. И мстил бы всем маркитантам без разбора, не будь на нем ответственности за женщин и детей, обосновавшихся в Форте по соседству с Кремлем.

Они остановились напротив шамов. Все трое сидели

неподвижно, в позах эдаких буддистских мыслителей. Даже одежда на них соответствующая – длинные, бесформенные балахоны неопределенного цвета. Книжник смотрел на них во все глаза, понимая, что никогда не привыкнет к их дикой внешности. На уродливых лицах не было глаз, одни лишь медленно шевелящиеся отростки. При этом было совершенно ясно: шамы видят тебя. И может быть, видят насквозь.

– Людьями торгуете, муты? – с плохо скрытой угрозой спросил воин.

– Как можно? – глухо отозвался тот, что сидел по центру. – Мы не людьями торгуем, а грязными хомо. Желаете купить себе подобного?

Книжник чуть не задохнулся от нахлынувшей злости. С трудом взял себя в руки. Шам явно провоцировал его: эти психические вампиры с удовольствием будут высасывать из тебя эмоции, играя на твоих слабостях и истощая твоё естество. Здесь, в Мертвой зоне, шамы могут не опасаться достойного ответа. Оттого и это пренебрежительное словечко «хомо», выдуманное «новыми людьями», то есть нео. Разумеется, шамы считали себя выше всех – и людей, и уж тем более нео. Собственно, в своей высокомерии только себя они и называли истинными людьями, за которыми будущее в этом новом мире. В чем-то шамы были правы: их психические способности ушли далеко вперед по сравнению с человеческими. Чего не скажешь об их физическом и моральном облике. На это можно было закрыть глаза, если бы не девушка на

веревке, застывшая под наброшенным на нее куском мешковины.

– Ладно, как скажешь, – с напускным равнодушием сказал Зигфрид. – Покажи товар.

Сидевший с краю шам сдернул с невольницы покров. Книжник сжался, ожидая встретиться с Хельгой взглядом и не представляя, как вести себя в этой ситуации. Еще страшнее было бы увидеть девушку покалеченной – ведь наверняка она не сдалась этим изуверам без боя.

Глаза девушки были закрыты. И Книжник понял: никакой схватки не было. Шамы просто подчинили ее своей воле – одним лишь усилием темной мысли. Да еще он подумал: давно в этих местах не было таких вот «охотников за душами». Видимо, шамы почуяли слабинку хозяйничавших здесь нео, положивших у стен Кремля самых сильных воинов. В Москве всегда так – свято место пусто не бывает. Туда, где мелькает какая-нибудь дрянь, с радостью приплывает другая, только более упитанная.

– Как тебе женщина? – поинтересовался у веста шам, сидевший по центру.

– Хорошая женщина, крепкая, – нахваливал товар тот, что был по правую руку. – Достойная баба для сильного воина.

– А может, она приглянулась молодому да дерзкому? – негромко поинтересовался тот, что сидел по левую руку.

Книжник понял, что его прочитали. Это было плохо. Это означало, что шамы уловили его заинтересованность в плен-

нице и теперь заломят непомерную цену.

– Мы сами разберемся, что с ней делать, – сухо сказал воин. – Называй цену.

– Э, нет, – усмехнулся главный шам. – Попробуй-ка сам предложить что-то достойное.

Зигфрид молча поставил перед шамами «ментальный цилиндр». Шамамы к нему даже не притронулись. Старший сказал:

– Это все?

– Маркитанты дают за него пятьдесят монет золотом. Он наверняка стоит больше.

– Возможно. Но нас это не интересует.

– А что же вас тогда интересует? – не выдержал Книжник, не обращая внимания на предупреждающий знак Зигфрида.

Книжник чуял подвох. Он еще не понимал, к чему клонят хитрые муты. «Муты что-то мутят» – есть такая присказка у кремлевских ратников, и, похоже, это как раз тот случай.

– А что ты готов отдать ради любимой женщины? – вкрадчиво произнес главный шам.

– Все, что угодно! – вспыльчиво заявил парень.

Его тут же бросило в краску: он понял, что коварные торговцы ловко подсекли его, как рыбаки шустрюю рыбу-мутанта.

– Вот как? – произнес шам. – Тогда отдай нам свое оружие. Арбалет. Вижу, он сделан недурно. Это ведь мастера вестов приложили руку?

Книжник не задумываясь положил на прилавок перед собой арбалет. И рядом – колчан с плотно уложенными болтами.

– Этого мало, – посетовал главный шам. – Девушка гораздо дороже.

– Еще у него есть нож, – заметил другой шам.

Книжник положил на прилавок нож. Он готов был отдать последнюю рубашку, ведь перед ним была она – его Хельга.

– Ну вот, полцены есть, – довольно проговорил шам.

– Я что-то не понимаю, – хмуро произнес Зигфрид. – Что значит полцены?

– Это значит, что рабыня стоит в два раза дороже, – ровно сказал мут.

– Чего же вы еще хотите за нее?

– Твой меч.

На Базаре наступила зловещая тишина. В эту секунду Книжник всерьез опасался, что воин не выдержит оскорбления и одним ударом снесет всем троим их безобразные головы.

Ведь это не просто меч. Это бесценное оружие, выдержанное в Поле Смерти и обретшее невероятные боевые качества. Этот клинок рубит металл, как бумагу, как в масло, входит в камень. Он значит для воина больше, чем просто оружие. Он часть его самого.

Но Зиг сохранил ледяное спокойствие. Он просто снял с плеч тяжелые ножны и положил их на каменный прилавок.

Книжник потрясенно глядел на друга, не веря собственным глазам.

– И револьверы, – сказал шам.

С той же невозмутимостью Зигфрид вынул из кобура два длинноствольных револьвера. Небрежно крутнул их на предохранительных скобах, оставив стволы в щупальца на мордах торговцев, – и аккуратно положил рядом с мечом и арбалетом. Можно было бы подумать, что Зигфрид блефует, что по завершении сделки силой вернет себе оружие.

Но Мертвая зона диктовала свои правила. Она не допустит насилия. За соблюдением правил ледяным взглядом наблюдала неотступная смерть.

– Что ж, – удовлетворенно кивнул шам. – Товар ваш. Забирайте. И наслаждайтесь покупкой.

В его голосе прозвучала насмешка. Он бросил Книжнику конец веревки, которая обматывала тонкую щиколотку Хельги. Не открывая глаз, девушка поднялась и пересела – теперь уже рядом с семинаристом.

Книжник не испытал ни капли удовлетворения от освобождения Хельги. Он все еще не мог понять, что с ней. Что это за транс, в котором она пребывает?

К своему ужасу, он вдруг осознал: это ловушка. Не нужно шамам оружие Зигфрида, как не нужна им рабыня из племени вестов. Задумка в том, чтобы поставить воина в такое положение, когда он вынужден будет расстаться со своим оружием. Выходит, Хельга – просто приманка, и ее пленение –

часть хитрого замысла шамов? И даже принесенный Зигом предмет на продажу – часть сложной паутины, сплетенной коварными шами. Но возможно ли это?

Возможно, если твой враг – телепат и способен воздействовать на мысли и чувства людей. Ты думаешь, что совершаешь то или иное действие по собственной воле. В действительности ты просто кукла, действующая по мысленному приказу извне. Тебя прочли, как открытую книгу, – осталось лишь захлопнуть ее навсегда. Если это действительно так, то за пределами Мертвой зоны их ждет гибель.

Понимал ли это Зигфрид? Наверняка понимал. Так же, как и то, что нельзя оставлять Хельгу этим тварям, лишь отдаленно напоминавшим людей. И то, что он отдал врагам самое дорогое, что у него оставалось. Фактически лучшего друга – бесценный боевой меч. В эту минуту Книжник как никогда остро понял: рядом с ним – самый надежный друг.

И глупо было бы сгинуть с пониманием такой ценной истины. А это сейчас как никогда близко. Они без оружия, посреди смертельно опасного города. Конечно, здесь, в Мертвой зоне, им ничего не угрожало... Но не могут же они прятаться здесь вечно.

Когда они отошли в сторону, Книжник развернулся к Хельге и затряс ее, пытаясь привести в чувство.

– Хельга! – рычал он, заглядывая ей в глаза. – Что с тобой? Ты в порядке, ну?!

Девушка открыла глаза. Но это все, чего удалось от нее

добиться. Парень быстрым шагом вернулся к торговцам и процедил сквозь зубы:

– Что вы с ней сделали, гады?

– Просто успокоили, – охотно ответил главный. – Уж больно она дикая. Через пару часов отойдет, и тогда сами с ней разбирайтесь...

Он помолчал, шамкая тонкими неровными губами, и, как бы невзначай, поинтересовался:

– Может, вас и другая девка заинтересует? Мелковата, правда, но шустрая.

Он сделал знак, и другой шам вывел из руин девочку лет семи-восьми. Книжника словно ледяной водой окатили. Одета в бесформенное тряпье, она напоминала маленького дампа, что неудивительно: эту девочку действительно воспитали безжалостные убийцы из каменных джунглей.

Молния. В клане дампов ее научили обращаться с оружием, сделав из нее настоящую машину убийства, и Зигфрид не зря был уверен, что она сможет защитить и себя, и Хельгу. Но сейчас девочка была тиха и беспомощна.

Не все решает оружие.

Выходит, шамы схватили и одну, и вторую. Но почему они не продавали обеих сразу? Тут и дураку ясно: их снова обманули, обчистив до нитки и поставив в безвыходное положение. Это было вполне в стиле шамов.

– Девка продается, – сообщил шам. – Жаль, вам платить нечем.

На скулах Зигфрида заиграли желваки. Заметно было, с каким трудом он сдерживается от взрыва ярости. Оставить девочку этим чудовищам было немислимо, но и показывать свою излишнюю заинтересованность не стоило.

– Почему нечем? – Зигфрид продемонстрировал «ментальный цилиндр». – А это?

– Нас не интересуют искусственные стимуляторы психики, – отмахнулся главный шам. – У нас все это здесь, – шам коснулся своего обтянутого серой кожей черепа. – Но мы готовы взять золотом.

– Сколько?

– Пятьдесят монет.

Воин мрачно поглядел на шама. Тот едва заметно улыбался. «Покупателей» загнали в ловушку. За происходящим наблюдали маркитанты и нео, мало что понимавшие в происходящем.

Пока Книжник пытался привести в чувство Хельгу, Зигфрид вернулся к маркитантам. Поставил перед ними цилиндр, сказал:

– Согласен на пятьдесят.

– Поздно, – лениво сказал первый маркитант. – Теперь это стоит только пять.

Его товарищ криво улыбнулся. Торговцы понимали, что пришло их время ставить условия.

– Не продам, – отрезал Зигфрид. – Какой смысл, если мне нужно пятьдесят?

– Ничем не могу помочь, – с фальшивым сочувствием развел руками маркитант. – Надо было соглашаться на пятьдесят, когда предлагали. Закон рынка – про спрос и предложение слышал?

Зигфрид молчал, свирепо раздувая ноздри. Маркитанты улыбались: грозный вид воина ничуть их не пугал. Их защищала Мертвая зона.

Ситуация была патовая. Меньше чем за час они умудрились попасть в полную зависимость от торговцев, и разумного выхода не предвиделось. Можно было просто уйти, предоставив маленькую Молнию своей собственной судьбе...

Но это было бы настолько подло, что даже сама мысль об этом вызывала у Книжника рвотные позывы.

– А если я попрошу в долг? – севшим голосом проговорил Зигфрид.

– Вот это да! – восхитился первый маркитант. Второй подался немного вперед. – Гордый воин, последний из вестов, просит в долг у презренных торговцев!

– Да, я прошу в долг, – повторил Зигфрид. – На любых условиях. Всего пятьдесят монет. Но прямо сейчас.

– Заманчивое предложение, – протянул первый маркитант. – Тут нужно посоветоваться.

– Советуйтесь, только быстрее! – сквозь зубы процедил Зигфрид.

Маркитанты поднялись, подхватив оружие, отошли куда-то в глубину, за свои бетонные прилавки. Недолго посо-

вещавшись, вернулись. Уже по их виду было понятно: вряд ли эти ребята предложат просителю хорошие условия.

– Мы тут подумали и решили, – начал первый марки-тант. – Давать в долг врагу – как минимум глупо. Но реше-ние есть.

Торговец сделал многозначительную паузу. Зигфрид ждал.

– Мы попросим услугу. Точнее, ряд услуг.

– Что за услуги?

– Нужно убрать несколько человек. Убить.

Зигфрид измерил маркитантов взглядом, поинтересовался:

– То есть вы считаете, что я подхожу на роль наемного убийцы?

– А у тебя есть выбор?

Зигфрид помолчал, подумал. Книжник с напряжением смотрел на друга. Неужели тот согласится на такие унизи-тельные условия?! Перевел взгляд на Молнию, и сердце его сжалось.

Их загнали в ловушку.

– Кого надо убить? – отдельно произнес Зигфрид.

– Кого скажем.

– Кремлевских убивать не буду.

– Думаю, и не придется.

– Хорошо, я согласен. Давай монеты.

Маркитанты расхохотались. Книжник не сразу даже по-

нял, что стало поводом для этого неожиданного веселья – к этому моменту у него здорово притупилось чувство юмора. Но те и сами пояснили:

– За дураков нас держишь, вест? Сделаешь дело – получишь деньги!

– Мне нужно сейчас, – повысил голос Зигфрид. – Девчонку выкупить!

– Ничего, девчонка потерпит, – небрежно бросил марки-тант. – Ничего с ней не случится у шамов. Заодно послужит гарантией исполнения заказа. А то вы, весты, те еще чисто-плюи. Откажешься от дела в самый важный момент, а нам убытки...

Может, у Зигфрида и имелись какие-то аргументы, может, был у него запасной план. Но для Книжника это стало последней каплей. С этого момента он себя уже не контролиро-вал. Выхватил из потайного кармана тонкий стилос с отрав-ленным острием и с диким криком бросился на шамов.

Он даже не думал о том, что попытка убийства в Мертвой зоне обернется для него гибелью. Все это потеряло значе-ние. Он действительно готов был убить хоть одного из вра-гов, всадить в уродливый лоб увесистый дротик – лишь бы спасти, наконец, девочку, ставшую заложницей непонятных игр кланов и группировок.

Ему повезло. Он не успел совершить непоправимое. У старшего шама сдали нервы. Выхватив из-под бетонного «прилавка» уродливый трехствольный пистолет приличного

калибра, он с каким-то отчаянным визгом вдавил спусковой крючок. Сухо бахнуло – окружающие здания здесь создавали странную акустику. Книжник только и успел, что замахнуть-ся острым стилосом. Заряд картечи ударил в плечо, швырнул назад. Он даже не почувствовал боли – сразу потерял сознание.

И кровь окропила заповедную землю Мертвой зоны.

Похоже, шам не сразу осознал, что натворил. И только поймав на себе напряженные взгляды торговцев, выронил пистолет, попятился, нервно вертя головой. Видел ли он что-то или чувствовал особым чутьем шама, но только вдруг тихонько и страшно завыл. Оба его товарища опасливо подались в стороны, а шам дернулся, судорожно выгнулся – и бревном повалился на пыльный асфальт. Послышался тихий звук – так трещат в костре ветки. Прямо на глазах труп стал усыхать, съеживаться, пока не превратился в черную, как будто обугленную мумию.

Книжник не видел мести Мертвой зоны. И не слышал, как вздрогнула Хельга, поглядела на него и произнесла непослушными губами:

– Ник...

Глава 4

По железным следам

Он пришел в себя сразу – будто его в розетку включили. Страшно ныло в левом плече, одолевала слабость – но он был жив, и это не могло не радовать.

– Очнулся! – сообщил звонкий голос.

Это была Молния. Девочка со сдержанным любопытством разглядывала его, стоя рядом на коленях. С другой стороны возилась с его раной Хельга. Видать, девчонки уже пришли в себя от воздействия «гипноза» шамов. Над ним склонился Зигфрид, оглядел его, не выражая особых эмоций. Книжник успел заметить рукоять меча, торчавшую у того из-за спины. И револьверы тоже вернулись на место.

– Что там было? – озираясь, неровным голосом спросил семинарист. Вокруг высились серые стены – какой-то полуразрушенный переулочек, в который с трудом проникал солнечный свет.

Он дернулся было, чтобы подняться, но Хельга мягко удержала его:

– Тихо, тихо... Подожди, пока живун-трава подействует.

Парень кивнул. Как хорошо, что он успел захватить походную аптечку! Живун-трава – верное средство при проникающих ранениях. Просто берешь пучок, запихиваешь в

рану – и дивишься тому, как оживает сухая травка, напитываясь кровью, пуская тончайшие корешки в поврежденные ткани, стягивая края раны и останавливая кровотечение. Какие-то вещества в ней вливали силы в ослабленный организм, и если вовремя использовать это средство, то вскоре организм придет в норму. Травку вывели когда-то в подземных лабораториях Кремля, специально для ратников. А вот и ему пригодилась.

– Не ожидал от тебя такой прыти, – признался Зигфрид. – Хорошо, что не успел первым на шама напасть. А то никакая травка не помогла бы. У Мертвой зоны – мертвая хватка.

– Я смотрю, ты вернул свой меч, – слабо улыбаясь, сказал Книжник.

– Все вернул, – кивнул Зигфрид. – План был другой, но спасибо тебе – все получилось быстрее. Шама товар бросили и сбежали. Так что свое мы забрали. Ну и еще кое-что в качестве компенсации.

Вест вложил в руку Книжника тот самый пистолет, из которого ему всадили в плечо заряд картечи. Оружие кустарное, но сделано добротно, да и мощи в нем поболее, чем в арбалете. Такой всегда пригодится на опасном пути.

– Это хорошо, – разглядывая оружие, одобрил Книжник. – Но главное, что девчонки живы. И свободны.

Руки Хельги обвили его, теплые губы коснулись шеи, так что голова приятно закружилась – получше анестезии будет. Маленькая Молния же презрительно фыркнула:

– Я бы и сама ушла! Только момента дожидалась. Я ведь знала, где они мое оружие держат.

Можно было подумать, что это просто возрастное позерство, да только острые клинки в заплечных ножнах и холодный, недетский взгляд говорили о том, что это не просто девочка. И имя Молния ей дано неспроста.

Впрочем, получилось так, как получилось.

– Выходит, мы даже с прибылью, – улыбнулся Книжник.

– Да еще с какой, – усмехнулся Зигфрид, подкидывая в руке злополучный цилиндр. – Только вот штуковину эту я так и не продал – маркитанты под шумок куда-то смылись, а нео покупать не хотят.

– К тому же врагов новых приобрели, – заметил Книжник, с кряхтением поднимаясь на ноги, для чего пришлось держиваться за стену. – Шамы так просто обид не прощают.

– Они и друзьями никогда не были, – пожал плечами Зигфрид. – Так что ничего, в общем, не изменилось. – Он обернулся к Хельге, поглядел на Молнию. – Скажите лучше, как вы в плен к мутам попасть умудрились?

Хельга потупилась и вздохнула:

– Мне показалось, они нас специально поджидали. Мы не так далеко от Форта отошли – собирались убежище найти на случай, если опричники в Форт нагрянут. И тут в голове помутилось...

– Точно, это засада была, – убежденно сверкнула глазами Молния. – Специально на нас охотились. Я видела, как

впереди мародер прошел, из него, с целым мешком оружия и прочего добра – так его почему-то не тронули.

Книжник кивнул. Подтверждались его предположения. Убить Зигфрида в открытом бою непросто. Воздействовать ментально – тоже, весты невосприимчивы к штучкам шамов. А вот лишить его оружия, ослабить, чтобы затем прикончить чужими руками – это как раз в стиле шамов.

Впрочем, сейчас конфликт Зигфрида с шамами отходил на второй план. Они и без того отклонились с пути. А время было неумолимо.

– Задержались мы здесь, – оттолкнулся от стены Книжник. Его качнуло – сказывалась потеря крови. Силы медленно, но возвращались. – Идти надо.

Он с сомнением поглядел на Хельгу с Молнией. Хельга мгновенно оценила его взгляд, подалась вперед, чтобы что-то сказать. Но ее опередила Молния:

– Не знаю, как Хельга, а я с вами.

В ее голосе был такой неожиданный вызов, что остальные не смогли сдержать улыбок. Что ж, все решилось само собой.

* * *

– Я вперед пойду! – заявила Молния и, не дожидаясь ответа, ушуршала в развалины. Не нуждалась она ни в советах, уж тем более в приказах. Она была прирожденным разведчиком.

Книжник передал трофейный пистолет и горсть патронов Хельге. На всякий случай спросил:

– Может, в Форт вернешься? – поймал удивленный взгляд, смутился. – Прости. Не хотелось лишний раз подвергать тебя опасности.

– Это мне говорит человек с простреленным плечом, – покачала головой Хельга. – А ну, пошевели рукой.

Книжник послушно подвигал поврежденной конечностью. Плечо ныло, пальцы сгибались неохотно, но живун-трава делала свое дело. Семинарист не мог избавиться от ощущения, что там, на Базаре, они отделались легким испугом, и в любую минуту ожидал подвоха со стороны затаивших злобу шамов. И потому напрягся, когда из развалин бесшумно вынырнула какая-то фигура. Он не сразу даже понял, что это Молния.

– Там био впереди, – сообщила девочка. – Какой-то странный.

– Почему странный? – не понял Зигфрид.

– Ну, я его подразнить хотела, а он даже внимания не обратил.

– Ты дразнила робота? – недоверчиво спросил Книжник. – Зачем?

– Как зачем? – девочка пожалала плечами, крутанула в маленькой руке тонкий клинок. – Весело же!

Книжник моргнул. Он с трудом представлял себе удовольствие от подобного развлечения.

– Био не обратил внимания на еду? – прищурился вест. –
А ну пойдём, посмотрим!

Вслед за Молнией они свернули в узкий переулок, перебрались через остатки фундамента, вошли в разрушенный дом, от которого оставались практически одни стены с зияющими пробоинами окон. Выбравшись с другой стороны, Зигфрид жестом остановил спутников, указал вперед. Но остальные уже и сами видели: сначала дорогу им пересекла обширная тень, а следом, скрипя изношенными металлическими суставами, прошел какой-то изрядно потрепанный био. Отсюда было не разобрать даже – то ли «рекс», то ли «раптор», то ли какая-то ранее неизвестная конструкция. В любом случае, био пребывал не в лучшей форме. Обычно такие старые машины топают своим ходом к Железному Кладбищу, что в Лужниках. Там они тихо заканчивают свой век на радость кио, цинично разбирающих их на необходимые детали. Этот же с тупым упорством перся куда-то в сторону Садового кольца. Причем заметно было, что дается это ему непросто: то и дело огромная машина сбивалась с курса, натываясь на стены, обрушивая остатки штукатурки и подымая тучи пыли. Похоже, у него была проблема с равновесием и ориентацией в пространстве, но общее направление он держал четко.

– Очень интересно, – сквозь зубы проговорил Зигфрид. –
Куда это его так тянет?

– Оно-то, конечно, интересно, – согласился Книжник. –

Но нам-то какое дело? Сейчас не до него.

– Возможно. Только нам в ту же сторону, а эта железяка всю нечисть на своем пути распугивает, – Зигфрид с прищуром поглядел вслед неторопливо удалявшемуся биороботу. – Пойдем-ка за ним, а?

В тот же момент из трещины в стене в сторону био метнулась темная масса, ударила по броне, стала расползаться, извиваясь и цепляясь за выступающие металлические детали. Это была какая-то разновидность хищных лиан, и Книжник с ужасом подумал, что, окажись они сейчас на месте робота, им пришлось бы туго. Био же только дернулся, клацнул стальными челюстями и выдрал опасные заросли из развалин вместе с корнями. Потоптался на них, размазывая по разбитому асфальту, и, пошатываясь, отправился дальше. Даже не стал набивать органикой биореактор, чем немало удивил Книжника.

– А стоит ли возле него крутиться? – усомнилась Хельга. – Кто знает, что придет ему в голову?

– Да ничего не придет, – фыркнула Молния. – Дурной он. Бредет, в одну точку уставился, по сторонам не глядит. Как будто его тянет куда-то.

– Главное, что его тянет в нужном нам направлении, – указал Зигфрид.

– Хорошая мысль, – глядя вслед роботу, проговорил Книжник. – Мне что-то это в голову не пришло. Действительно, пускай нам путь прокладывает. К тому же он, смот-

рю, не особо голоден, на нас не бросится.

– Тогда вперед! – скомандовал вест.

Идея оказалась дельной. Несколько километров они практически в открытую двигались вслед за био. Несколько раз он разгонял и убивал бросавшихся на него мелких мутантов, но чаще те сами разбегались, чувствуя приближение железной громады. Этот своеобразный авангард гарантировал, что люди не вляпаются в притаившееся на пути Поле Смерти или еще какую ловушку. Но главное – он разгонит самых опасных, разумных врагов. Так, издалека путники видели, как убрался с пути дозор нео. В другое время агрессивные муты надолго задержали бы продвижение – пришлось бы вступать в бой или искать обходной путь, рискуя напороться на новую засаду. А так – это был самый быстрый их путь к Садовому кольцу.

Впрочем, у Кольца начиналось самое интересное.

С виду – просто широкая, пустая улица, ничего примечательного. Однако при внимательном взгляде на нее начинают возникать вопросы: а отчего, собственно, она такая пустая? Откуда эта чистота и гладкий асфальт посреди бесконечных развалин? Если же до тебя все еще не дошло, что здесь что-то не так, и ты поперся через него напролом – жди беды. Множество легкомысленных смельчаков положило здесь свои головы потому, что не понимало злой мощи Кольца. Неспроста оно окутано ореолом мистики, наделено магическими свойствами. Вон, целый культ вокруг него

существует. Есть такая подземная секта, что поклоняется Кольцу, приносит ему жертвы, надеясь на снисхождение могущественных сил.

Хотя, конечно, все мрачнее и проще. Во времена Последней войны по Кольцу проходил Последний Рубеж обороны города. Когда в направлении центра перли полчища вражеских биороботов, именно здесь их удалось задержать, не дав стереть Кремль с лица земли. Это, конечно, не спасло мир от страшной катастрофы, но позволило сохранить остатки цивилизации, спасти людей, укрывшихся в Кремле. В бесчисленных подземных укреплениях тысячи бойцов сражались здесь до последнего. Соседние здания скрывали огневые точки, а само Кольцо было мощным автономным оборонительным комплексом.

До сих пор здесь все напичкано автоматизированными системами обороны, большей частью вышедшими из строя. Но и остаточной силы Кольца хватало, чтобы его преодоление становилось опасной задачей. После снятия Блокады, когда оборонительные системы работали во всю мощь, испепеляя все живое, Кольцо перешло в фоновый режим. Теперь пересечь его можно. Надо лишь знать, где и как. А понять это не так-то просто, ведь на асфальте не обозначены безопасные участки.

– Ну, вот и Кольцо, – сказала Хельга. – Дальше-то как?

– Хороший вопрос, – отозвался Книжник. Поглядел на Зигфрида, надеясь услышать ответ от него.

Оно и понятно. Большинство известных переходов контролировалось маркитантами. Обычно с ними и приходится договариваться, несмотря на натянутые отношения. По логике, надо бы искать ближайший разведанный переход.

Но этот случайно встреченный био изменил изначальные планы.

– А вот посмотрим, как у него получится, – проговорил Зигфрид, следя взглядом за роботом.

– Интересненько... – прищурилась Молния, присела на корточки и стала с детским любопытством наблюдать за неуклюжими маневрами машины.

Био замедлил шаг и теперь в нерешительности топтался у края Кольца. Дряхлый мозг напоминал машине о смертельной угрозе. Пожалуй, эти воспоминания намертво впаялись в мозги большинства био. Ведь именно здесь им когда-то задали жару. Даже отсюда был заметен ржавый корпус ударного биоробота типа «аконкагуа», привалившийся к взорванному зданию на той стороне. Огромноеместилище электроники и вооружения было сплошь в рваных пробоинах, въевшаяся копоть напоминала об адском пламени, выжгшем хитроумную начинку боевой машины. И таких мертвых остовов по периметру Кольца сотни.

Но этот био боялся не вражеского огня – стрелять по нему было некому, однако и без ракет с артиллерией Кольцо нанесло бы свой смертельный удар. Потому и стоял сейчас био, примериваясь, готовясь к переходу через гладкую улицу, как

к переправе через бурный горный поток. Вест присел на камень, продолжая наблюдать за машиной. Книжник улыбнулся – робот проложит им безопасный путь через Кольцо.

Био решил – ступил на асфальт и потопал к тротуару на противоположной стороне. Половину пути он преодолел без проблем. Потом замедлил шаг, покрутил железной мордой, словно приносясь, – и двинул дальше, тяжело переваливаясь с ноги на ногу и поскрипывая изношенными сочленениями.

– Прошел! – радостно прошептал Книжник и наткнулся на скептический взгляд Зига.

В отличие от него, воин никогда не делал преждевременных выводов. Он хладнокровно наблюдал. И точно: не дотянув метров пяти до противоположного края улицы, био вдруг замер, словно его металлические ноги притянуло к поверхности мощным магнитом. И задрожал – сначала мелко, затем все сильнее, звякая и скрежеща металлом. Из встроенных голосовых синтезаторов раздался недоуменный и вроде даже испуганный рык.

– Что это с ним? – пробормотал Книжник.

Вопрос был риторический. Вряд ли Зиг мог дать техническое обоснование происходящему.

А био трясло все сильнее, и вот от него начали отлетать куски прогнившей обшивки. Швырнуло в одну сторону вырванный с проводами оптический дальномер, в другую – нижнюю челюсть. Одна за другой заскрежетали выдираемые

из суставов короткие передние конечности. Под обшивкой явственно засверкали разряды, потянуло дымком. С хрустом вырвало из сочленения правую нижнюю конечность, и био повалился навзничь. Какое-то время он еще дергался, а по его металлическому остову синеватой сеткой пробегали разряды. И надо всем этим нелепо торчала нога, с тупой гордостью устремившая в небо вывернутый сустав.

Садовое кольцо расправилось с давним врагом.

– Ну вот, накаркал, – вздохнула Хельга.

– Этим путем мы не пойдем, – констатировал Зигфрид.

Молния захихикала. Книжник покосился в ее сторону. У этой девочки было странное чувство юмора.

– Отправимся на переход, к маркитантам? – спросил Книжник.

– Видимо, придется.

Встречаться со старыми врагами не очень хотелось. Хотя с маркитантами в каком-то смысле всегда проще, чем с остальными. Они готовы закрыть глаза на любые разногласия, если им показать золото. Бизнес для них превыше всего.

Впрочем, на этот раз судьба была на их стороне. Шагах в двадцати что-то завозилось в развалинах, заставив Книжника схватиться за арбалет. Зигфрид отнесся к этому движению более сдержанно. И точно, переживать особо не стоило: разворотив ветхую кирпичную стену, на тротуар выбрался здоровенный металлический краб. Именно такие ассоциации вызывала у семинариста внешность серва – сказывалась

эрудиция ученого человека, ведь мало кто в постыдаерной Москве мог представить себе облик обитателя морских глубин. По оторванному куску обшивки на морде Книжник с удивлением узнал старого знакомого: тогда, ночью, серв его не тронул.

Сейчас же серв огляделся, заметил людей и замер. Зигфрид потянул меч из ножен.

– Не надо, – остановил его Книжник. – Я его знаю.

– Знаешь серва? – удивилась Хельга.

– Да. Он меня не тронул, и ты его не тронь.

Вест чуть кивнул, но ладонь с рукояти меча не убрал. Он ценил редкие в этом мире жесты благородства, однако металлическим монстрам не доверял. Книжник же посчитал эту встречу добрым знаком.

Серв потерял интерес к людям, шустро пробежал вдоль границы Кольца, смело ступил сегментарными конечностями на его поверхность. И быстро засеменял на противоположную сторону.

– Что им, на той стороне медом намазано? – следя за сервом, проговорил Зигфрид.

Книжник не ответил. Он с напряжением следил за маршрутом серва. Тот пересекал Кольцо не по кратчайшему расстоянию, которое, как известно, есть прямая, а по крутому зигзагу. Где-то в районе осевой серв резко поменял направление и под углом ушел к противоположной кромке улицы. Благополучно перейдя через опасную улицу, он скрылся в

развалинах.

– Запомнил? – спросил Зигфрид.

– Ага, – отозвался Книжник.

– Тогда вперед!

Легко сказать – запомнил. Никто не вычерчивал безопасный маршрут мелом на асфальте. Ориентировались визуально, по памяти. Ходил ли тот здесь уже раньше или ему просто повезло – не важно. Главное, через несколько минут они были уже на другой стороне.

– И куда теперь? – поинтересовался Зигфрид.

– Смотри! – Книжник указал вправо, на облачко пыли, возникшее вслед за уходящим вперед сервом.

– Да? А я думал, ты туда показываешь, – Зигфрид кивнул влево.

Семинарист поглядел туда и увидел темную громаду, прущую на запад по боковой улице. Судя по силуэту, это был «маунтин». Мощный ударный робот, один из тех, что в Последнюю войну штурмовали Московские рубежи, пер куда-то, не обращая внимания на препятствия в виде руин и завалов. С грохотом рушились на его пути стены, разлетались обломки. Биоробот был упорен в своих намерениях и не особо экономил драгоценную энергию.

– Мне кажется, или все они идут на запад? – произнес Книжник.

– Похоже на то, – задумчиво согласился Зигфрид.

– Пойдем посмотрим?

Книжник кивнул. Что-то внутри подсказывало: происходящее как-то связано с призывом о помощи, полученным от Лого. В конце концов, он тоже отчасти био, и вся эта активность может быть частью чего-то большего. В этой ситуации лучшим решением было двигаться по следам громадного биоробота, одним своим видом расчищавшего путь.

Они не ошиблись в своих предположениях. Вскоре в пределах видимости появилась еще одна биомеханическая машина – обслуживающий биоробот типа «рекс». По его виду и не скажешь, что обслуживающий – настолько страшен звериный оскал мощных победитовых челюстей, придававших «рексу» сходство с ископаемым ящером. В боевой обстановке эти роботы использовались для обслуживания и прикрытия больших ударных роботов. Теперь же, когда каждый был сам за себя, «рексы» стали одними из самых жизнеспособных биомеханических тварей.

Этот тоже двигался на запад – неторопливо, в раскачку, неуклюже-угрожающей походкой хищного динозавра. Люди же двинулись вслед за «маунтином», продвигавшимся к одному ему известной цели в западном направлении. Точнее – в северо-западном, что, впрочем, не имело особого значения. Пришлось ускориться, чтобы поспеть за мощной машиной. Уже в открытую они бежали по расчищенной железным монстром улице, словно присутствие этой громады уберегало от опасностей коварных руин.

– Осторожнее! – покрикивал Зигфрид. – По сторонам по-

глядывай, не зевай!

Это было дельное замечание. Разогнавшись, Книжник едва не влетел в подозрительное мокрое пятно на асфальте. Лишь внутреннее чутье в последний момент остановило занесенную над пятном ногу, заставив нелепо отпрыгнуть в сторону. И тут же шмыгнувшая наперерез шестилапая крыса коснулась лапкой пятна, истошно взвизгнула – и завалилась во вскипевшую вдруг поверхность, медленно погружаясь в ее глубину. Последним мелькнул содрогающийся хвост, обломился и канул в кипящую массу. Мгновение – и на поверхности асфальта снова осталось гладкое, чуть влажное пятно. Похоже на «гнойник», только более компактный, агрессивный и еще менее заметный.

– Это еще что такое? – пробормотал Книжник, но Хельга молча потащила его дальше. Целой жизни не хватит, чтобы разобраться во всех странностях и опасностях, встречающихся на просторах мертвого города. Так что остается только запомнить: никогда и ни при каких обстоятельствах не стоит вступать во влажные пятна непонятного происхождения на асфальте.

Тем временем вечерело. Двигаясь ускоренным темпом, путники забрались далеко в незнакомые земли. Книжник мог сориентироваться лишь примерно. В мозг была намертво впечатана старинная схема города, которую зубрил несколько лет. За последнее время уже не раз пришлось убедиться, что схема эта далека от реальности – той, что сло-

жилая в городе после Последней войны. И тем не менее она позволяла более-менее сносно определять местонахождение. Когда четверка окончательно выбилась из сил и остановилась, чтобы перевести дух, Книжник, задыхаясь, проговорил:

– Так скоро... и до Кольца... доберемся.

– Еще одно Кольцо? – вскинула брови Хельга. – Вроде же, было одно.

– Так уж Москва устроена, – усмехнулся Книжник, наконец немного выровнив дыхание. – Сектанты, называющие себя Властелинами Колец, считают, что Кремль – как камень, брошенный в мутную воду, от которого кругами расходятся Кольца. Где-то и МКАД быть должна, за ней, говорят, Большое кольцо ПВО... А перед нами – Третье транспортное.

– И чем оно нам грозит? – нахмурилась Хельга.

Книжник пожал плечами:

– Не знаю. В древних книгах про него мало написано. Известно только про Лефортовский туннель, что через него идет.

– Это в котором Большая резня была? – поинтересовался Зигфрид.

– Этого я не слышал, – покачал головой Книжник.

– Что за резня такая? – с любопытством спросила Молния, и Книжник в который раз испытал странное чувство от соседства с ребенком-убийцей.

– Да было дело... – воин вдруг помрачнел, насупился. Отвернулся и стал возиться с амуницией. Ему явно не хотелось продолжать.

– Ну, говори уж, раз начал! – потребовал Книжник.

Зигфрид нарочито медленно возился в нише, глубоко вдававшейся в стену. Остальные расположились по соседству. По привычке – так, чтобы просматривались все подходы и оружие чтоб под рукой было.

Вест заговорил нехотя:

– Вы же знаете, что в Последней войне на Москву в основном боевые роботы шли. Но были, естественно, и людские подразделения...

Он замолчал, и Книжник вдруг понял, отчего воину тяжело говорить на эту тему. Ведь он был потомком врагов – выходцев из западных стран, членов блока НАТО, решивших стереть с лица земли древний город. И хоть вражда русов и вестов давно миновала, тяжесть старых потерь нет-нет да и давала о себе знать.

– Уже никто толком не помнит, чем там дело закончилось, – продолжал Зигфрид. – Просто массированное наступление сошло на нет, несмотря на то, что действующих био, как мы видим, вокруг предостаточно...

– Есть разные версии, – вставил Книжник. – Считается, что была разрушена связь, объединявшая биороботов в единую боевую сеть. Пропала согласованность, и наступление захлебнулось. Может, электромагнитным импульсом удари-

ли, может, программный вирус сработал...

– Или шарахнуло излучением Последнего Рубежа, – глухо сказал Зигфрид. – Но я не о био говорю. А о человеческих подразделениях.

– Подразделениях НАТО, – уточнил Книжник.

– Да. Они прикрывали наступающих, осуществляли разведку и специальные операции, недоступные машинам. Или целесообразность которых в человеческом исполнении виделась большей.

– Про эти подразделения в Кремле вообще записей нет, – признал Книжник. – И никто даже легенд никаких не помнит.

– Потому что они были для вас врагами, – сухо сказал Зигфрид.

– Да, но... – Книжник пожал плечами. Ему не хотелось втягиваться в бессмысленный спор.

– Куда же они все делись? – тихонько спросила Хельга.

Вест ответил не сразу. Он нахмурился и продолжил, глядя в сторону заходящего за развалины солнца:

– В общем, когда наступление захлебнулось и био, потеряв мотивацию и контроль, стали разбредаться, единственной ударной силой наступающих остались люди. В основном это были морпехи и части специального назначения. Разумеется, этих подразделений не хватило бы для захвата Кремля и окончательной победы. Более того, небольшим группировкам войск грозило полное уничтожение – ведь у русских

были еще танки и установки залпового огня...

– И Последний Рубеж все еще оборонялся, – тихо сказал Книжник. – Защитников в нем не осталось, но он действовал в автоматическом режиме...

Зигфрид кивнул:

– Все верно. Тогда и встал вопрос об эвакуации. Чтобы избежать уничтожения, оставшиеся подразделения должны были укрыться в Большом Лефортовском тоннеле...

– Они, наверное, не знали, что тоннель Третьего транспортного кольца тоже часть оборонительной системы?

– Наверняка знали. Но к тому времени укрепления Третьего транспортного были полностью подавлены...

Книжник пытался представить себе картину происходившего здесь две сотни лет назад. Лефортовский тоннель к тому времени из трехкилометрового отрезка на востоке города был преобразован в Большой кольцевой со множеством развязок и ответвлений. С гражданской точки зрения – это должно было разгрузить Москву, задыхавшуюся в транспортных потоках. С оборонной же стороны – ТТК было стратегическим рубежом. В надежно укрытых подземных путепроводах быстро перемещались большие массивы военной техники и стратегических грузов. И конечно же, подавление сопротивления Третьего транспортного означало для столицы смертный приговор.

Оставался только Последний Рубеж на Садовом. Но это уже другая история.

– ...И вот, командование передовых подразделений доложило о том, что уцелевшие части укрылись в подземельях ТТК. Для их эвакуации был отправлен транспорт – несколько десантных биороботов типа «титан».

– Здоровенные «дуры» с технологией «стелс», – не сдержался Книжник. – «Дом-Ходун» – так он у вестов назывался?

– «Дом-Шатун», – уточнила Хельга. – По-моему, довольно точное название.

Семинарист кивнул: это не просто дом – небоскреб. Не зря же на таком удалось протащить сквозь Поле Смерти остатки целого народа – вестов. Иногда даже тоска брала: как люди, построившие такие чудо-машины, создавшие удивительные технологии, могли так запросто перечеркнуть все – бросить мир в хаос разрушения и смерти? Это не поддавалось здравому смыслу, было вне какой-либо логики. Не будь он приверженцем науки, мысли, как его наставник суеверный отец Никодим, то решил бы, что несчастное человечество просто прокляли.

– ...В общем, когда транспорты прибыли к условленным точкам, к ним никто не вышел, – продолжил Зигфрид. – Разведчики спустились в тоннель и увидели сотни и тысячи мертвых бойцов...

– Они от кого-то защищались? – предположила Молния. – И их всех убили?

– Они сами себя убили, – холодно отрезал воин. – Рас-

стреляли друг друга. Никто не ушел живым.

– Но как же так? – пробормотала Хельга. – Почему они сделали это?

– Никто не знает, – Зигфрид пожал плечами. – Может, поняли, что вся кровь пролита напрасно и победы не будет. А может, враг применил какое-то психотронное оружие. В любом случае, нам никогда не узнать правду. Теперь это просто предание. Может, все было не совсем так или совсем не так, но сага о Большой резне передается вестями из поколения в поколение.

– Почему же я ее не слышала? – спросила Хельга.

– Она не для женских ушей.

– Скажите пожалуйста, – усмехнулась девушка, поднимаясь на ноги. – Тогда нечего и рассказывать, крутые воины. Скоро, вон, солнце сядет. До этого нужно укрытие отыскать.

– А мы не будем искать укрытие, – сказал Зигфрид. – Напротив,ждемся темноты – и двинемся дальше.

– Почему? – не поняла Хельга.

Зигфрид кивнул в сторону Книжника.

– Потому что мы уже пришли, – прикрыв глаза, произнес семинарист.

Он обхватил голову, пытаясь справиться с нахлынувшим на него потоком образов. Накатило внезапно – похоже, Лого был близко и пытался пробиться в его сознание сквозь плотную завесу помех.

Что-то с ним было не так. Чувствовался страх, несвой-

ственный шаму, помещенному в холодное металлическое тело. Этот страх передавался Книжнику, заражая его и грозя повредить психику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.